

День освобождения

Мирнолюбивые народы торжественно отметили седьмую годовщину победы доблестной Советской Армии над фашистской Германией. Простые люди свято чтут память советских героев, принеших народ Европы освобождение от гитлеровской тирании, открывших перед ними широкий путь к свободной демократической жизни, к миру и дружбе между народами. В результате исторической победы советского народа Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания обрели свободу и независимость. Развивается и крепнет Германская Демократическая Республика. Бекевой гнет империализма сбросил великий китайский народ. В странах Азии развернулось национально-освободительное движение. Возник и укрепляется лагерь мира, демократии и социализма во главе с Советским Союзом.

В странах, извлеченных Советской Армией от фашистского порабощения, день освобождения отмечается как светлый национальный праздник. По случаю седьмой годовщины освобождения германского народа от господства гитлеровского фашизма президент Германской Демократической Республики товарищ В. Пилл и председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Н. М. Шверников, премьер-министр Германской Демократической Республики товарищ О. Гротеволь и председатель Совета Министров СССР товарищ Н. В. Сталин обменялись телеграммами. В ответной телеграмме Н. В. Сталина на имя О. Гротеволь говорится:

«Прошу Правительство Германской Демократической Республики и Вас лично, товарищ Премьер-Министр, принять мою благодарность за дружественное послание по случаю седьмой годовщины освобождения германского народа от фашистской тирании.

Желаю германскому народу и Правительству Германской Демократической Республики успехов в борьбе за единую, независимую, демократическую и мирнолюбивую Германию, за скорейшее заключение мирного договора и вывод оккупационных войск из Германии — в интересах Германии и мира во всем мире».

Советский Союз, признавая право немецкого народа на национальную независимость, неизменно боролся за восстановление единства страны, за создание мирнолюбивой, демократической Германии. Еще в годы Великой Отечественной войны глава Советского правительства И. В. Сталин указывал, что нельзя отожествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством: «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается».

Принципы экономического и политического единства Германии, требования создать условия для мирного и демократического развития немецкого народа легли в основу решений Ноттингемской конференции трех великих держав. Верное этим решениям, Советское правительство оказало немецкому народу бескорыстную широкую помощь в деле демократизации страны, восстановления мирной экономики и ликвидации последствий войны. На развалинах гитлеровского рейха немецкие демократические силы создали мирнолюбивую Германскую Демократическую Республику. Это явилось поворотным пунктом в истории Европы. Германская Демократическая Республика провозгласила борьбу за мир, главную задачу своей внешней политики.

В телеграмме на имя И. В. Сталина премьер-министр О. Гротеволь пишет, что ноты Советского правительства от 10 марта и 9 апреля 1952 года восприняты «всеми мирнолюбивыми и патристически настроенными людьми во всей Германии с чувством внутреннего удовлетворения и глубокой благодарности». Эти ноты являются новым свидетельством последовательной советской политики в германском вопросе. Советский Союз официально предложил ускорить заключение мирного договора с Германией на основе ее полного объединения, вывода оккупационных войск, восстановления ее суверенитета и предоставления германскому народу права самому решать вопрос о государственном и общественном устройстве.

Новой политической курс в отношении Германии был избран западными державами. Мысля о новой захватнической войне, империалистические заправщики давно решались превратить Западную Германию в основную площадку агрессии, а восстановленный гитлеровский вермахт — в свою главную ударную силу в Европе. Ныне американско-английские империалисты в союзе с фашистами, предателями немецкого народа, пустили на полный ход реакционную Западную Германию, восстанавливая германскую военную промышленность, гитлеровские вооруженные силы.

Американско-английские поджигатели войны навязывают сейчас Западной Германии военный «общий договор», призванный заменить нормальный мирный договор. Речь идет об окончательном подчинении страны интересам американских монополий, о прекращении немецких владений в Уола-стрия. Боннский «кандидат» Аденауэр готов

срешить своей подписью этот акт национального предательства. Но иначе думает германский народ. Против казального «общего договора» поднялась мощная волна протестов. «Общий договор» несет немцам раскол, кабалу янки, гнет фашизма, угрозу братоубийственной войны. Советские предложения направлены к созданию единой, суверенной, демократической и мирнолюбивой Германии. Вот почему эти предложения, а также историческое заявление вождя советского народа о том, что настоящий момент является подходящим для объединения Германии, вызвали всеобщий энтузиазм среди германского населения. Все честные немцы требуют заключения мирного договора на основе советских предложений и проведения общегерманских выборов для создания общегерманского правительства.

В связи с 7-й годовщиной освобождения Чехословакии от гитлеровской оккупации Советской Армией состоялся обмен телеграммами между президентом Чехословацкой Республики товарищем К. Готвальдом и председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Н. М. Шверниковом, председателем Совета Министров Чехословацкой Республики товарищем А. Запотомиком и председателем Совета Министров СССР товарищем Н. В. Сталиным. В телеграмме А. Запотомиком И. В. Сталин пишет:

«По случаю национальной годовщины освобождения от гитлеровских захватчиков прошу Вас, товарищ Председатель, и Правительство Чехословацкой Республики принять мои дружественные поздравления и пожелания дальнейших успехов чехословацкому народу в строительстве новой, народной-демократической Чехословакии».

Англия и Франция при поддержке США продали Чехословакию в позорные дни мюнхенского соглашения. Страна была продана Гитлеру, для чехословацкого народа наступили черные дни господства нацистов. Час освобождения народ Чехословакии пробил семь лет тому назад, когда доблестные советские воины сокрушили общего врага — гитлеровский фашизм.

С тех пор чехословацкий народ встал на путь мирного демократического развития, строительства новой, подлинно народной Чехословакии. Важнейшей вехой на этом пути явились февральские события 1948 года, когда трудящиеся сорвали коварные планы чехословацкой буржуазии и ее заокеанских хозяев, замысливших установить в стране американские порядки. Борьбу за укрепление народно-демократического строя, за упрочение боевого союза рабочих, крестьян и интеллигенции страны возглавила коммунистическая партия Чехословакии во главе с верным учеником Ленина и Сталина — Клементом Готвальдом.

Еще в 1943 году между СССР и Чехословакией был заключен договор о дружбе, взаимной помощи и последовательном сотрудничестве. За прошедшие годы великая дружба народов этих двух стран еще более выросла и окрепла. Чехословацкая газета «Руде право» недавно отмечала, что народ Чехословакии достиг больших успехов благодаря неограниченной помощи Советского Союза. Для советско-чехословацких отношений характерно тесное сотрудничество во всех областях экономической, культурной и общественной жизни.

Национальные праздники освобождения германского и чехословацкого народов от гитлеровской тирании совпали с семидесятилетием годовщины изгнания из Турции и турецкого ига и провозглашения государственной независимости Румынии — события, прошедших в результате победы русских войск над турецкой армией. Отмечая эту историческую дату, румынский народ, горячо признательный русскому народу за дружбу и помощь, обращает свои мысли к великому Советскому Союзу, благодаря которому он добился освобождения от гнета фашизма и обрел подлинную государственную независимость.

Товарищ И. В. Сталин в ответной телеграмме председателю Совета Министров Румынской Народной Республики товарищу Петру Гроза и генеральному секретарю Центрального Комитета Румынской рабочей партии товарищу Г. Георгиу-Деж пишет:

«Прошу Правительство Румынской Народной Республики, Центральный Комитет Румынской Рабочей Партии и Вас лично принять мою благодарность за дружественное приветствие по случаю 75-й годовщины со дня провозглашения государственной независимости Румынии. Желаю румынскому народу, Правительству Румынской Народной Республики и Центральному Комитету Румынской Рабочей Партии дальнейших успехов в строительстве новой, свободной, народно-демократической Румынии».

Чувства глубокой дружбы и благодарности испытывают простые люди к советскому народу-освободителю. И эти чувства становятся все более могучими.

Народы не хотят войны. Они все теснее сплачиваются в могучий лагерь сторонников мира. Их вдохновляет призыв великого знаменосца мира товарища Сталина: «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца».

В великой Советской державе, возглавляющей многомиллионный лагерь сторонников мира, все люди доброй воли видят своего верного и бескорыстного друга.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 57 (2930)

Суббота, 10 мая 1952 г.

Цена 40 коп.

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

От корреспондентов «Литературной газеты»

Первые гудки

Среди многих событий на Волго-Доне это было, пожалуй, одним из самых волнующих. В донской степи, где летом дороги становятся словно каменными и часто пересяхают даже колодези, у бывшего казачьего хутора Ильевка днем 6 мая раздался басистый пародный гудок: землечерпалка «Д-6» подошла к 13-му шлюзу. И строители канала, где бы они ни находились, жадно прислушались к первому гудку. Спершилось то, о чем они мечтали, ради чего не досыпали, самоотверженно трудились в пургу и зной: вступил в строй тринадцатый шлюз.

Пока снимали перемычку перед шлюзом, мы совершили на катере поездку по каналу к Дону. Знакомые места! Вот здесь шагала экскаваторы Ивана Худякова и Ивана Ермоленко не так давно поднимали первые пласты земли. Сюда прорубал дорогу от Дона экипаж земснаряда № 307. На этих откосах скреперист Виктор Мохов добился самой высокой на канале выработки. Теперь перед нами расстелилась широкая волная гряда. И уже сейчас, хотя прошло совсем немного времени, с трудом верится, что эта глубокая, полнолунная река и эти берега, одетые в камень, и зеленые деревья на берегу — все это творение человеческих рук. Новая, неведомая здесь ранее жизнь вступает в свои права: по понтоному мосту

с одного берега на другой переезжают автомашины; молодые колхозницы в цветистых сарафанах набирают в бочки воду; рыбацкая лодка с опущенным неводом стоит в тени откоса.

Встречаем земснаряд, который буксируется катером. Экипажу его предстоит подняться через шлюз Карповского водохранилища и держать путь дальше — в Мариновский строительный район.

С нашего катера окликают: — Почему задержались? — Встречные волны мешали! Это были волны Цимлянского моря...

У самого входа на правом берегу, поднялось высокое здание маяка. Скоро с него снимут леса, и его огни будут указывать путь судам, плывущим в канал.

Дон разлился широко. Небольшой остров напротив входа в канал почти весь в воде — над рекой торчат лишь зеленые макушки деревьев. Той же дорогой возвращаемся к шлюзу № 13. Он торжественен, подобно имениннику: всюду флаги и лозунги. Сквозь легкую ажурную одежду лесов выливаются башни управления. Их серебристые купола, похожие на крышу Московского планетария, сверкают на солнце.

Перемычка снята. Первым входит в шлюз

земснаряд № 109. Любопытная его судьба. Он работал у входа в канал со стороны Волги. Потом его демонтировали и по частям перевезли в Донской строительный район. Здесь он помог прорыть подводящий канал к Карповской насосной станции. Теперь он отправляется в обратный путь, но уже по воде.

Экипаж земснаряда взволнован. Высокая часть — первым шлюзоваться на Волго-Донском канале! Старший баггермейстер Георгий Мартынович Акимов отдает команду прихватываться к ярмам. Затем в шлюз входит другой земснаряд. У паркетов собрался строители. Закрылись широкие ворота. Началось дальнейшее заполнение камеры шлюза водой. Земснаряды стали плавно подниматься.

Шлюзование шло своим чередом. А на строительных площадках продолжала кипеть работа: строители 13-го шлюза заканчивают сооружение грандиозной триумфальной арки.

Наступил вечер. Повсюду зажглись огни. В поселке Ильевка, расположенном теперь в сухой степи, а на берегу Карповского водохранилища, время от времени слышны звуки пародных гудков: к вступившему в строй 13-му шлюзу подошли новые суда.

СТАЛИНГРАД

А. ШЕННИК

Большая родня

Колхозный клуб села Елино, Шорского района, на Черниговщине, раскинувшегося на стыке трех братских республик — Российской, Украинской и Белорусской, залит ярким электрическим светом. Сегодня в клубе собрался старый дружок и соратник — белорус Николай Давиденко, русский Сергей Ковалев, украинцы Максим Кожемьяк и Степан Миколаенко и многие другие.

Это обыкновенные для наших советских людей сельские читатели, которые собрались для того, чтобы поговорить о «Большой родне» — романе прехарактерного сюжета по приглашению колхозников писателя Михаила Стельмаха. Украинский колхозник, заведующий библиотекой села Елино, Степан Миколаенко сказал:

— В романе «Большая родня» писатель раскрывает о сталинской нерушимой дружбе русского, украинского, белорусского и других братских народов Советского Союза. Этой дружбой мы сильны и горды! Вспомним, друзья, что такое наша советская братская дружба. Кто дал кров, кто принял, как родных, семьи наших единичных колхозников, когда в 1942 году гитлеровцы долгие спалили наше село? Вы, русские братья, наши соседи из села Хоромино? Кто помог нашему украинскому партизанскому отряду одеждой и продуктами, кто ухаживал за нашими ранеными? Вы, белорусские братья, наши соседи из села Завидово? А кто своими руками помогал нам отстраивать наше сожженное село? Вы же, русские братья, хоромины!

В своем выступлении русский колхозник Сергей Ковалев, председатель артели «Первомайская» села Хоромино, Чурович-

ского района, Брянской области, как бы отвечал Степану Миколаенку:

— А кто помог нам, хороминыцам, племенным скотом, когда мы взяли восстанавливать после войны наши фермы? Кто привез нашим животноводам в изобилии сено и другие корма? Вы, украинские братья, елиныцы...

— Мой брат Захар бился за освобождение украинской земли и окропил ее своей кровью, — говорит белорус Николай Давиденко, бригадир артели имени Ворошилова села Завидово, Тереховского района, Гомельской области. — Вместе мы боролись против врага, вместе победили и теперь вместе соревнуемся в мирной работе. Такова наша сталинская дружба, братья украинцы и русские!

— Великий русский народ, наш верный друг и старший брат, объединил нас всех — спасибо ему! Вот мы строим нынче коммунизм, живем счастливо, зажиточно... А что было у нас на Польесе до Великого Октября? — вспоминает старый украинский селянин, участник гражданской войны Максим Кожемьяк. — Рабе вы, молодое, знаете згод! А мы, старики, помим. Да, старики помим все это. Село Елино, где сейчас в ярко освещенном электрическим светом колхозном клубе проходит читательская конференция, ютилось на песчаных островках среди гнилых болот. Земля не могла прокормить обездоленного крестьянина даже до нового года. По осеннему бездорожью, под проливными дождями, полуголые, босые, нищие, разбредались крестьяне на жалкие заработки, — рассказывает киевская газета «Колхозное село» в

специальной странице, посвященной читательской конференции в селе Елино. Здесь не было книг, не было ни одной газеты. Правда, в «Губернских ведомостях» значилось, что в Елино есть школа. «Педагогическая деятельность» тут занималась пинжучка дьячок Дурницкий, в школе которого было... пять учеников!

Счастливая, жизнерадостная молодежь советского села Елино, конечно, не помнит этих мрачных дней, не может даже представить себе той беспросветной темноты и нищеты, в которой жили елиныцы всего 35 лет тому назад. Елинская молодежь получает образование в институтах, техникумах, десятилетках. В сельской семилетке учится около трехсот детей колхозников. В селе работает хорошая библиотека, каждый двор выписывает газеты, журналы. По вечерам, при ярком электрическом свете, склоняются над книгами дети, подростки, взрослые — село читает. Идет обычная советская жизнь, такая же счастливая, как и в осяев, белорусских колхозниках села Завидово, русских колхозников села Хоромино, общими силами разгромивших врага и общими силами строящих коммунизм.

Это и есть та сталинская дружба народов, это и есть та большая советская родня, о которой написал в своем романе Михаил Стельмах и о которой волновался рассказывая на своей интереснейшей читательской конференции в селе Елино колхозники трех братских республик.

КИЕВ

В. ВЛАДКО

От восьми утра до полночи

В это весеннее утро Елена Акимовна Букова, как обычно, пришла на работу к восьми часам. Минут через двадцать, плотно набив сумку газетами, журналами, письмами, баночками, она заключила за собой дверь почтового отделения. И в это же примерно время около ста других ее товарищей по профессии — с толстой сумкой на ремне отрывались своими маршрутами по улицам, переулкам, площадкам Пензы.

Участок Буковой расположен в новом Заводском районе, которого до революции вообще не было. Шестидесять лет непрерывно работает она на этом участке. За эти годы выросли новые дома и целые кварталы, и дети, которым она когда-то встала «Плюшерку правду», стали знающими специалистами, инженерами, учителями, врачами.

Она говорит, улыбаясь: — Сумка моя за эти годы сильно потяжелела...

И поясняет: — Перед войной за день разослала я примерно 150 газет и журналов, а сегодня — больше четырехсот. Одной «Правды» 65 экземпляров. А журналы! И «Большевик», и «Огонек», и «Новый мир», и «Роман-газета», и «Техника — молодежи», да мало ли что еще! Адреса, конечно, разные, но больше приходится ходить в дома рабочих часового завода.

Сумка тяжелеет год от года, разумеется, не только у Буковой, но и у всех других почтальонов города. В пензенском отделении «Союзпечати» могут дать на этот счет совершенно точные данные: ныне примерно каждый пятый пензенец выписывает газету или журнал.

В час, когда почтальоны начали обход своих участков, в другом конце Пензы, в здании Сельскохозяйственного института прозвенел звонок, приглашая в аудиторию слушателей областной школы председателей колхозов. У второклассников первые два часа посвящены литературе. Прежде чем начать лекцию о «Евгении Онегине», преподаватель спрашивает у слушателей домашнее сочинение о «Горе от ума» Грибоедова. В других аудиториях читаются в это время лекции по истории СССР, физике, математике, ботанике, истории партии, экономике, химии, по специальным предметам. А студенты шефы школы — преподаватели и члены слушателей колхозной школы с историей русской классической музыки.

Повышая с утра над улицами туманная дымка стала рассеиваться. Открылись двери книжных магазинов. К вечеру было продано около трех тысяч книг.

В то время как книжные магазины города принимали все новых и новых покупателей, в цехах местной типографии, как обычно, шла работа над выпуском новых книг. А в узком кабинете, в помещении областного издательства, шла работа над редактированием предназначенных и опубликованию новых рукописей. Среди них был очерк вагонного мастера депо Пенза А. Нефедова «Диспетчер».

А. Нефедов — член местного литературного объединения. В объединении участвуют люди различных возрастов, профессий, образования: это и поэта-колхозница Матрена Смирнова из Городищенского района, и учитель С. Давыдов из города Сердоска, и геолог В. Фелотов из Пачелайского района, и техник пензенского часового завода В. Беляков, и директор Индустриального института В. Артюхин, и кандидат исторических наук А. Немировский, и студент педучилища А. Сазонов...

Время шло к полудню. Все больше заполнялись посетителями помещения областного краеведческого музея и городской картинной галереи, где собраны работы Релина, Перова, советских художников. Среди экскурсантов — рабочие вечерних смен часового завода и швейной фабрики, студенты индустриального и педагогического институтов, путейского и физкультурного техникумов, ученики железнодорожной школы № 7.

По данным словаря Брокгауза и Ефрона, в Пензе до революции было 5 библиотек. Ныне их — 117 с книжным фондом около двух миллионов экземпляров. За день только десять библиотек посетили 2024 читателя; выдано на руки 2948 книг.

В библиотеке Дома культуры завода мы познакомились с некоторыми читателями, прочли их формуляры. И вот что бросается прежде всего в глаза: уровень интереса, духовные запросы читателей-рабочих, в том числе и тех, которые не имеют законченного среднего образования, пожалуй, не ниже уровня и запросов читателей — инженеров, юристов, врачей, то есть людей с вузовскими дипломами. Думается, что лет двадцать назад читательский формуляр Василия Разоренова навел бы на мысль о том, что он, по крайней мере, студент гуманитарного института. За последние месяцы он прочел «Гамлета», «Короля Лира», Шекспира, повести Гоголя, «Идиот» Достоевского, «Картину Рубина» Золя, «Сентиментальное путешествие» Стендаля, «Спартак» Джованьоли и т. д. Но Ба-

сильи Разоренов по профессии не филолог, а подмайщик, стахановец завода.

«Вечерет. Над городом залевают свою песню заводские гудки. Окончена смена. Торопится домой молодая сборщица стахановка Валентина Осолкова. Свое рабочее место в цехе она меняет вечером на место за партой в школе рабочей молодежи. Это же сдвигает сегодня еще две с половиной тысячи пензенских рабочих — учащихся вечерних школ».

Для многих из них такие школы только шаг. Кто не ушел от рождения в школу, кто не окончил среднее образование в вечерние часы, работая днем на заводе, а ныне учился на III курсе вечернего отделения Индустриального института.

После семи вечера на всей огромной фасадной части заводского Дома культуры не найти, пожалуй, ни одного несвещенного окна. В одной из комнат драмкружка репетируют пьесу «Студент третьего курса». В другой — члены балетного коллектива гостят к очередному концерту танца народов СССР. В кружке сольного пения сборщик стахановец Владимир Назаров поет арию Дубровского, инженер-технолог Екатерина Анюткина разучивает песню Брусиловского «Две ласточки»; работающие на заводе сестры Зотовы — станочница стахановка Антонина, слесарь-станочница Мария, сборщик Полина и токарь Анна — составляют квартет, готовят народные песни.

В большом зале дома идет кинофильм «Малый театр и его мастера», в малом — читает лекцию о международном положении приехавший из Москвы лектор. Пять публических лекций были прочтаны в цехах завода.

В полночь закрываются двери областного драматического театра им. А. В. Луначарского, трех кинотеатров, концертного зала, шести клубов и Дома культуры. По-весеннему горят над городом звезды. Только они, наверно, остались такими же, какими были и сорок и пятьдесят лет назад. А на земле пензенской — все новое...

ПЕНЗА

Б. ИЛЬИН, П. МАКУШЕНКО

Международные отклики

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ «ПЛАН ШУМАНА»

Задача, поставленная Уолл-стримом, с самого начала была ясна в государственном департаменте каждому — от Ачесона до младшего клерка: прибрать к рукам богатства Азии. Конкретнее — завладеть оловом и каучуком Малайи и Таиланда, нефтью Бирмы и Индонезии, марганцем Индии, железной рудой Индо-Китаи и вытеснить из этих стран английский кузнец — Льюиса Бьюла и «добрых друзей» — Голландию и Францию. Однако решить эту столь ясную задачу оказалось весьма затруднительно. Все дело в том, что народы азиатских стран не только не испытывают желания попасть в долларную кабалу, но стремятся всеми силами избавиться от всяких колониальных «опекунов».

И вот у американских комбинаторов родилась идея: испробовать азиатский вариант «плана Шумана». Суть этого проекта состоит в том, чтобы «объединить» сырьевые ресурсы стран Азии с промышленным потенциалом Японии. Основные издержки и риск возлагаются, конечно, на японских партнеров. Для себя же прахитские круги США избрали куда более выгодную роль: американские монополии намерены принять участие в финансировании этого предприятия и, главное, наложить лапу на львиную долю прибыли.

Заявка этого плана, американская газета «Курьер журналь» оглашает: «Учитывая традиционное недоброжелательство Юго-Восточной Азии к Японии и усиливающуюся подозрительность в отношении Америки, наблюдатели приходят к выводу, что эта задача требует тонкого подхода».

Но, как известно, в Вашингтоне существует особое представление о дипломатических «тонкостях». Не так давно японское правительство, по согласованию с государственным департаментом, направлено в турне по странам Юго-Восточной Азии некоего Такетора Огата, вынужденного на свободу в 1947 году военного преступника, в прошлом — вице-президента фашистской «Ассоциации помощи трону». Кому же, как не ему, виднейшему идеологу пресловутой «восточно-азиатской сферы совместного процветания», поручить пропаганду труженического «нового порядка», воплощенного в новоявленном «плане Шумана» для Азии!

Немалую тревогу вызывают эти планы у конкурентов США и Японии, прежде всего у Англии. С благословения Уолл-стрига японские экспортеры все усиленнее теснят английских купцов на рынках Азии. Латинская Америка и Африка. В прошлом году японский экспорт в стерилизованную зону увеличился вдвое по сравнению с 1950 годом. Многочисленные японские «миссия» уже орудуя в Малайе и Индии, Бирме и Таиланде, заключая выгодные сделки.

Как сообщает американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Форд рипорт», в США и Японии в настоящее время обсуждается свыше 40 различных планов и проектов создания «восточноазиатской сферы совместного процветания» под верховным главенством Уолл-стрига. Однако, кроме «зайбидо» — клана японских монополистов, належащих нажить на новой агрессии в сотрудничестве с американскими предателями войны, не находится желающих ни в Японии, ни в странах Юго-Восточной Азии участвовать в осуществлении этих экспансионистских планов.

ОБИДЫ «МЛАДШЕГО ПАРТНЕРА»

Переговоры, которые вел в эти дни в Лондоне начальник штаба военно-морских сил США адмирал Фелтлер, снова продемонстрировали подлинную цену англо-американской «дружбы». Американский адмирал прибыл в Лондон, чтобы разрешить тянувшийся уже полтора года спор о назначении командующего военно-морскими силами агрессивного Атлантического блока в районе Средиземного моря.

Практике круги Англии, вынужденные под нажимом Вашингтона делать уступку за уступкой, тем не менее упорно сопротивляются назначению американца на пост командующего объединенными военно-морскими силами на Средиземном море. Дело тут не только и не столько в престиже. Средиземное море издавна рассматривается британскими колонизаторами как основная коммуникационная артерия, связывающая Англию с ее заморскими владениями.

В ответ на прямой нажим Фелтлера, требовавшего, чтобы военно-морские силы на Средиземном море были переданы под командование американского адмирала Керни, англичане предложили Керни компромисс: подчинить адмиралу Керни лишь вспомогательные военно-морские силы, предназначенные для поддержки сухопутных армий, поставив основное ядро средиземноморских флотов стран Атлантического блока под командованием английского адмирала Маунтбаттена. Когда же Фелтлер решительно отверг это предложение, в Лондоне намекивали, что Англия может забрать обратно деление ранее согласное подкрепить план создания так называемого «средневосточного командования».

Так и не договорившись с англичанами, Фелтлер вылетел из Лондона в Вашингтон. В эти же дни в зарубежной печати появились сообщения о том, что греческое и турецкое правительства (разумеется, по команде госдепартамента США) «пронформировали» в секретном порядке адмирала Керни, что они согласны передать свои флоты только под американским, а не под английским командованием. Аналогичные заявления были получены в Вашингтоне от Франции и Италии. Таким образом, мобилизация спох «атлантических» вассалов, США натравливают их на провинившего непокорность «младшего партнера». Это ли не свидетельство хваленого «единства» англо-американского блока!

Грубый нажим Вашингтона на английских партнеров навевает не грустные размышления лондонскую печать. «Мы иногда задумываемся, — риторически спрашивает вольнодумец — «Дейл мейл», — что, собственно, думают о нас американцы? В конце концов Британская империя — это не какая-нибудь центральная американская республика. Британская империя не Никарагуа и заслуживает лучшего обращения...» Как видно, за океаном придерживаются иного мнения!

ЛИТЕРАТОР

Новый заем размещен с превышением

Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1952 года), выпущенный на сумму 30 млрд. рублей, размещен к концу дня 8 мая на 35 миллиардов 712 миллионов 374 тысячи рублей с превышением на 5 миллиардов 712 миллионов 374 тысячи рублей.

В связи с значительным превышением установленной суммы займа, Министерством финансов СССР, на основании указания Совета Министров СССР, дано распоряжение прекратить повсеместно с 10 мая 1952 года дальнейшую подписку на заем.

Встреча с мексиканскими гостями

Вчера в Союзе советских писателей СССР состоялась встреча делегации деятелей культуры Мексики с московскими писателями.

Члены делегации Хосе Мансисдор, Луис Кордова, Эфрайн Урта и Адельина Сендехас затронули ряд творческих вопросов, в частности, вопросы социалистического реализма. Гости из Мексики рассказали об огромном влиянии русской классической и советской литературы на творчество современных мексиканских писателей.

Отвечая на вопросы гостей, К. Федин, А. Софронов, А. Мясников, И. Анисимов и

другие рассказали об издании художественной литературы, о методах и формах воспитания молодых авторов в СССР, о работе Союза советских писателей.

— Эта дружеская беседа, — сказал в заключение Хосе Мансисдор, — обогатила наше представление о жизни и творческой работе советских литераторов. Я уверен, что узы братской дружбы писателей Мексики и Советского Союза будут крепнуть, несмотря на большие пространства, разделяющие наши страны.

Отрадно видеть, как в коллективе, в котором ты работаешь, растут люди. Надзидчик, стоящий у сложной машины, настраивающий ее и направляющий ее производственный процесс, — это не придаток к машине, а человек, который должен знать существо машины, принцип ее действия, должен уметь внести поправки в механизм, когда это вынуждает необходимость. Такому рабочему необходимо техническое образование и умение сочетать теорию с практикой.

При московском заводе «Калибр», где я работаю, есть ремесленное училище, есть школа рабочей молодежи, есть инструментальный техникум с дневным и вечерним отделением, многие рабочие и мастера учатся в одних и тех же вечерних институтах. Все это уже стало обычным на многих советских предприятиях. Но титра рабочих и специалистов растет, повышается требовательность к уровню технической подготовки. Ведутся поиски новых путей и обучение кадров высококвалифицированных специалистов без отрыва от производства. И минувший учебный год порадовал коллектив «Калибра» значительными успехами в системе подготовки инженеров-технических и научных работников на рабочей среде. Об этом я и хочу рассказать.

Как известно, до сих пор люди, работающие на производстве, могут получить высшее техническое образование только в заочных и вечерних институтах. Такие институты, несомненно, играют значительную роль в формировании технической интеллигенции, но их возможности по многим ограничениям: в институте заочного обучения даются себе отсутствие постоянной личной связи преподавателей и учеников. Вечерние институты зачастую не имеют лабораторной базы, стабильных профессорско-преподавательских кадров.

Интересным опытом явилось создание вечернего отделения приборостроительного факультета в Московском станкоинструментальном институте имени Сталина. На этом отделении обучаются 40 работников завода «Калибр», в их числе мастера, конструкторы и технологи, не имеющие высшего образования. Занимаются они, так же как и прежде, вечером, но в их распоряжении — хорошо оборудованные аудитории и лаборатория, прекрасная библиотека и все пособия, которыми располагает институт. Профессорско-преподавательский состав заботливо направляет работу каждого студента. Первый учебный год показал высокую успеваемость студентов, обучающихся без отрыва от производства.

Но дело не только в этом. Живой творческий обмен знаниями между институтом и заводом стал повседневным явлением. Кафедра приборостроения проводит большую работу по рационализации производственного процесса на заводе «Калибр» (в первую очередь в цехе микрометров). Студенты института, как дневного, так и вечернего отделения, являются активными участниками этой работы. Ряд курсовых и дипломных проектов приобрел резко выраженный производственный характер. Научно-исследовательская тематика кафедры также подчинена этой задаче. Любые справки по производственным вопросам студенты могут получить у своих товарищей — студентов, работающих днем на заводе.

Вечернее отделение при дневном вузе — эффективная форма высшего технического образования работников промышленности. Вместе с тем это и эффективная форма содружества между наукой и производством.

Н. РОССИЙСКИЙ,
мастер завода «Калибр», лауреат Сталинской премии

ОТ РЕДАКЦИИ. Для удовлетворения стремления советских рабочих к среднему и высшему техническому образованию следует решительно улучшить работу заочных и вечерних институтов. Кроме того, Министерству высшего образования следует, по нашему мнению, прислушаться к предложению Н. Российского и привлечь дневные вузы к обучению работников промышленности без отрыва от производства. Как это можно сделать, показывает опыт Московского станкоинструментального института имени Сталина.

В одной только системе Главного управления машиностроительных вузов 27 дневных институтов. Это показывает, какие возможности имеются для вовлечения новых контингентов в систему обучения без отрыва от производства.

Лаборанты «Гидропроекта» Шура Короткова (слева) и Марус Кожина «прослушивают» железобетонную плотину Цимлянского гидроузла.

У донских берегов

В большом доме

В апреле Шура Короткова возвращалась из Москвы на Цимлянский гидроузел. Весна в этом году была жаркая и холодная. Видны из окна вагона на участке Сальск — станция Бетонная однообразны: неясное серое небо да плоская непрозрачная степь. Иредка попадаются одинокий белый тополь, на котором дрожат еще непонявшие прошлогодние листья — знак того, что осень в этих местах была спокойной, но очень ветреной. Но степи, переходя друг друга, бегут и подпрыгивают прозрачные шары перекачи-пола.

Сосед-пассажир замечает, увидев эти шары, что для сельского хозяйства — это — целая проблема. Если их не уничтожат, забьют поливные борозды.

Зрители и репертуар кинотеатров

В. ЯСТРЕБОВ
М. МИХАЙЛОВ

В ожидании демонстрации очередного документального фильма участника кинолектория в Саратовском Доме ученых, старший научный сотрудник Института микробиологии и эпидемиологии Юго-Востока СССР А. К. Борзенков рассказывал нам:

— Я стараюсь не пропустить ни одного нового фильма, но то, что мы видели в лектории, является для всех нас просто открытием — великодушная познавательная сила фильмов! Вот хотя бы программы последних просмотров: «Художник Федотов», «Памятники архитектуры», «В мире кристаллов», «Урал», «Колдуньи». Все это очень интересно! Некоторые из этих фильмов вышли в свет пять-шесть лет назад. Почему мы — интеллигенты, преподаватели — ничего не знали раньше об этих увлекательных и крайне необходимых каждому гражданину СССР кинопроизведениях? Устроители лектории говорят, что эти ленты извлекаются из охваченных забытием киноархивов.

Прекрасному фильму «Тарас Шевченко» в Саратове не повезло. Он демонстрировался в центральных театрах шесть дней, несколько дней пролежал в одном из отделений театров и исчез с экрана. Спустя 10 дней на улицах города появилось скромное объявление, что в одном из клубов только на девятнадцатом сеансе будет показан «Тарас Шевченко». Зрительный зал, конечно, был переполнен. Сюда пришли рабочие, артисты, ученые, студенты, большая группа партийных работников — все они не сумели своевременно увидеть фильм на больших экранах и были полны негодования к незадачливым организаторам проката, которые пренебрегли временем и возможностями зрителей, не пожелав по-настоящему организовать показ картины на великом поэте.

Чем руководствуются Управление кинофикации и Кинопрокат, устанавливая такие обидно-короткие сроки демонстрации выдающихся произведений советского кино и намерено, якобы для «касс», удляняя сроки демонстрации малосредствительных фильмов?

Десятки молодых людей заканчивают Новоузенское педагогическое училище. Многие обязаны знать будущие учителя. Дворце нужно передать не только основы знаний, но и рассказать об основах советской жизни. Киноискусство способно многому научить будущих педагогов. Как обогащают наши знания о борьбе русского рабочего класса за советскую власть, о тех людях, которые создали Советское государство и заложили основы новой коммунистической морали, такие, например, фильмы, как трилогия о Максиме. Кстати, беседа с детьми о депутатах Верховного Совета СССР, которых избрали трудящиеся области, учитель вспомнит исполнителя заглавной роли в киноленте о Максиме — Б. Чиркова —

депутата от волжских цементников и балаковских речников. Но из 176 юношей и девушек, обучающихся в училище, лишь немногие видели трилогию о Максиме, а также фильмы «Чапаяв». «Большинство студентов не имеет понятия и о лучших наших документальных фильмах. За вторую половину 1951 года «Чапаяв» демонстрировался лишь в железнодорожном клубе, и то на одном сеансе. «Юность Максима» показана в селе Дмитриевке, фильм «Большой гражданин» так и остался лежать на полке. Очень редко показывались документальные фильмы.

В Новоузенске руководителями кинопроката задают законный вопрос: везают ли товарищи на том, как живут на экране лучшие наши фильмы? Если не везают, то почему никто из них не узнает у Новоузенских студентов, какие фильмы нужно показывать?

Беседы с кинозрителями в Доме ученых, в одном из клубов города и среди выпускников Новоузенского педагогического училища побудили нас обратиться в Кинопрокат. На столе у заместителя директора областной конторы Главкинопроката тов. Лихого лежит репертуарный список кинофильмов, находящихся в прокате, — 477 названий художественных фильмов и 810 документальных, научно-популярных, технических, сельскохозяйственных — богатство!

Уметь во всем многообразии и с наибольшим эффектом использовать эти фильмы — большое дело. Из Ершовского района, где недавно состоялось совещание лесоводов, пролетариев и колхозников, из Красноярска — о племени животных, из Красноярска — об электрификации колхозного производства. А есть еще и такие районы отсюда, к сожалению, специальных и документальных фильмов не требуют. Что им рекомендовать?

Отбором и рекомендацией фильмов в Кинопрокате и в Управлении кинофикации никто не занимается. В Областном управлении кинофикации нас познакомили с очень интересными примерами пропаганды отдельных фильмов в районах — пригласительные билеты, лекции специалистов, беседы киномажориков. Пока что это единичные случаи.

Тов. Лихой тоже изредка пытается инструктировать механиков клубов, подбирать им репертуар. Но много ли в состоянии сделать один человек? — Дело не только в нас, — заявляют в Кинопрокате. — Нам «спускают» финансовые, технические планы, мы

стараясь своевременно продвигать все новинки, в пределах возможности, организуем демонстрацию документальных фильмов, и уж если говорить откровенно, то в наших интересах задержать на экране «кассовые» фильмы.

«Кассовые» и «некассовые» фильмы — такова излюбленная деловая предпринимательская формула отбора фильмов, господствующая в умах некоторых товарищей из Кинопроката и Управления кинофикации, потянувших вкус к пропаганде фильмов. Неудивительно, что в единственном в Саратове детском кинотеатре «Пионер» патинали сутки, днем и вечером, демонстрировался прославленный «Тарзан», в то время как картины, нужные школьникам, отлеживались в фильмотеке. Лучшие документальные фильмы держатся в Саратове на больших экранах не более трех-пяти дней. Неудивительно, что в Кинопрокате и Управлении кинофикации «забыли» о десятках познавательных фильмов, что на университетский экран почти совсем не проникают историко-революционные, научно-популярные и технические фильмы. Видимо, недостаточен еще контроль общественности за репертуаром кинотеатров.

Возникает много вопросов, которые требуют своего разрешения: организация пропаганды фильмов и работы со зрителями; выпуск массовой литературы о фильмах; составление полноценных репертуарных планов для каждого театра и кинопередвижки; введение в кинотеатрах, хотя бы раз в неделю или в декаду, «Дня хроникального фильма» и т. п.

По что, на наш взгляд, следует сделать сейчас? Приковать широкое внимание общественности к пропаганде фильма. Саратовский обком и горком комсомола выделили в помощь отделу кинофикации сотни комсомольцев-агитаторов — замечательный потенциал! Нужно вернуть агитаторов проспектам, фотоснимкам, хорошо продуманным справочникам.

На помощь кино должны прийти профессора. К сожалению, обрпозуются последние пять лет ни разу не обсуждала вопроса о пропаганде и использовании фильмов. Пора спросить и у руководителей Общества по распространению политических и научных знаний, когда же в областном центре и районах будут регулярно читаться лекции о киноискусстве?

Встречаясь в кино с героями наших фильмов, советский человек проникается величием их деяний, силой чувств и характеров, чистотой души. Жизнь фильма — такая же большая и мало известная тема для многих наших кинозрителей, для киномажориков, областной и районной печати и различных общественных организаций. Нужно обеспечить всем фильмам, полезным и достойным нашей эпохи, — большую жизнь!

САРАТОВ

По следам неопубликованных писем

В коллективном письме читателей «Литературной газеты» говорилось о неадекватном поведении начальника А. А. Агеева в отношении работников сети Узразбаева и о злоупотреблении некоторых работников сети.

Письмо читателей было направлено в ЦК КП(б) Казахстана. Редакция получила ответ из ЦК КП(б) Казахстана, в котором сообщается, что факты, приведенные в письме, при проверке в большинстве подтвердились; материалы о злоупотреблении переданы в органы прокуратуры; по окончании расследования виновные будут привлечены к ответственности; Узразбаев с работы снят.

В «Литературную газету» обратилась группа московских читателей, которые сообщили о грубом, хулиганском поведении гражданина А. Ф. Краснова по отношению к своей семье и к неродному сыну, ученику 5-го класса Владиславу Белоу.

Этот сигнал редакция довела до сведения органов милиции. На днях получен ответ начальника Управления милиции города Москвы тов. Крайнова. Он пишет, что факты, приведенные в письме читателей, подтвердились. Краснов был вызван в управление, где ему разъяснили недостойность его поведения и напони-

ли об обязанностях, которые он несет по воспитанию неродного сына. Гражданин Краснов строго предупрежден о необходимости изменить свое отношение к семье.

Кроме того, председателю местного профсоюза и начальнику того учреждения, где работает А. Краснов, направлены письма с просьбой принять к нему меры служебного и общественного воздействия.

В «Литературную газету» обратилась с письмом читатель В. Крыжановский из Одессы. Автор писал, что в течение длительного времени не может добиться решения Прокуратуры УССР по своим заявлениям.

Редакция направляла это письмо прокурору УССР с просьбой проверить приведенные в нем факты. Прокурор Украинской ССР государственный советник юстиции 2-го класса Р. Руленко сообщил нам, что действительно в гражданско-судебном отделе Прокуратуры УССР была допущена волокита с разрешением жалоб тов. Крыжановского.

Этот вопрос обсуждался на совещании при прокуратуре УССР и на партийном собрании. На прокурора гражданско-судебного отдела тов. Серебряннюку, виновную в волоките, наложено строгое дисциплинарное взыскание; обращение

по внимание начальника гражданско-судебного отдела тов. Табачного на недостаточный контроль с его стороны за прохождением жалоб в отделе.

Читатель В. Булат прислал в редакцию письмо о плохом содержании железнодорожных поездов в Москве. Копии письма В. Булата были направлены редакции для принятия мер в Московте и в Министерство путей сообщения СССР.

Заместитель министра путей сообщения В. Гаврилов сообщил редакции, что в письме В. Булата совершенно правильно ставится вопрос о необходимости озеленить железные дороги, ввести чистоту и порядок на подъездах к вокзалам столицы; министр специальным приказом обязал начальников железных дорог Московского узла и начальников главных управлений и трестов МПС провести в жизнь запланированные мероприятия по озеленению и содержанию железнодорожной территории на ближайших годах.

Моссовет до сих пор не ответил редакции хотя копии письма тов. Булата была направлена ему еще 22 февраля. А разрешение вопроса, поднятого читателем, по многим зависит от городского Совета.

Счастье Алим Бейсалиевой

В ожидании мужа, который должен скоро вернуться с работы, Алим Бейсалиева, принявшись за рукоделье, прислушивается, как дочурка Зияда, ученица музыкальной школы, готовит уроки.

У Алим Бейсалиевой десять детей. Младшие — Саня, Салиха и Зияда — учатся в средней школе. Старший сын Жанабель — преподаватель Казахского горно-металлургического института, дочь София имеет незаконное высшее образование, Нурия — аспирантка Казахского государственного университета, сын Кенес окончивает консерваторию, Ельдес — студент зооветеринарного института. Сын Алим Абель во время Отечественной войны был командиром роты автоматчиков и погиб героической смертью в боях с фашистами.

Много в нашей стране людей и дружных семей. И о каждой из них заботится государство, помогает воспитывать детей, окружает почетом родителей.

Мирно и счастливо живет семья матери-героини Алим Бейсалиевой. НА ФОТО: мать-героиня Алим Бейсалиева и младшая дочь ее Зияда у себя дома.

АЛМА-АТА

ФОТО М. АЛЬПЕРТА

Евгений ВАСИЛЬЕВ, Петр ЮРИН **ФЕЛЬЕТОН**

Недрогнувшей рукой

Дрожат, нестерпимо дрожат у Михаила Трофимовича руки, когда ему приходится подписывать в печати произведения местных авторов. И, естественно, он старается оттянуть этот неприятный момент внутреннего озноба и нервного подергивания пальцев. Спокойнее всего книжку задерживает. Лучше всего — еще по дороге в типографию. А возможности эти у Михаила Трофимовича Александра есть: он состоит в должности директора Кубышевского государственного издательства.

Вот перед ним на директорском столе лежит повесть кубышевского писателя. Михаил Трофимович долго морщится, вздыхает, а затем кладет резолюцию: — Рукопись не дотянута. Вместе с автором рукописи дотянуть и представить на обсуждение.

Когда же автор переработал повесть, то выяснилось, что Александров ее и не читал. А его резолюция? «Товарищ подсказали!» — признался Михаил Трофимович. В общем, директору издательства больше нравилось заниматься переизданием. Тем более, что это было далеко не безвыгодное для него дело.

Первым делом он решил выпустить сборник повестей и рассказов А. П. Чехова. Существует великое множество чеховских сборников, и, конечно, самым популярным было бы переиздание одного из них. Но нет, сборник надо составить заново! Свои услуги в качестве автора-составителя предлагает Кубышевскому издательству сам директор этого издательства М. Т. Александров. Предложение было принято. Дальше все идет, как заведено. Договор. Объем книги 17 листов. Соответствующая сумма гонорара за лист.

А теперь нарушим тайное-тайны, проляжем в авторскую лабораторию Михаила Трофимовича. Вот перед ним лежит два сборника чеховских произведений. Оба книги раскрыты на оглавлениях. Названия некоторых повестей и рассказов Михаил Трофимович проворно отмечает карандашными галочками. Весь творческий процесс занимает ровным счетом пять минут. Впрочем, понадобится еще время, чтобы приказать машинистке перепечатать все оглавление и поручить одному из редакторов присмотреть за выпуском книги.

Сборник покатылся по издательскому конвейеру. Подписал его к печати Александров недрогнувшей рукой. Не будучи

педантом, он не запротестовал и против того, что сборник получился не в 17, а в 20 листов.

Затем Михаил Трофимович стал составителем книги рассказов А. Серафимовича. Опять галочки в оглавлении. Опять гонорар. Только в издательскую технику вносится рационализаторское начало.

— Вот что, — говорит директор издательской машинистке. — Перепечатывать тут ничего не надо... Дело срочное! Возмите просто эти два сборника, расшейте их, а отмеченные рассказы переберите на отдельные чистые листы.

С помощью карандашных палочек, ножи и клея директор издательства оказался автором-составителем и третьего сборника, на этот раз произведений П. Каролина-Петропольского.

Затем директор временно отлежал от безделья. Он подписал договор с возглавляемым им издательством на составление сборника статей о переодом опыте пошпикинского завода. Но тут уже трудно было орудовать только кассой и галочками! Тогда всю работу он спихнул на плечи второго составителя — тов. Степанова, не забыв, однако, получить половину гонорара.

Некоторое время назад Михаил Трофимович договорился с которой «Заготживсырьем» о выпуске целой серии брошюр о заготовке шерсти, кож и т. д. Редактором заготовительной симфонии будет сам Михаил Трофимович. Кому он поручит выполнять эту работу за себя, пока неизвестно. Это — дело будущего.

Правда, трудно сказать, что еще начнет печатать Кубышевское издательство, которое понемногу превратилось в директорскую кормушку. Михаил Трофимович перестал утруждать себя чтением и просмотром даже им самим якобы составленных сборников. Так, ревизионная корректура обнаружилась уже в момент полета в печать, что оригиналы двух рассказов из сборника Серафимовича были отправлены в набор без... окончаний. Оказалось, что концы рассказов не наклеены в суматохе машинистки, и она имела большие неприятности от составителя...

Чем же занят сам М. Т. Александров? Он стоит у кассы и недрожавшей рукой выдает сумму прописью.

Надо бы Михаилу Трофимовичу, выражаясь словами чеховского героя, «вести себя посущественней».

В здании ГЭС, говорят, будут такие двери, что в них сможет пройти вагон. Говорят, что их сделают из дуба... А по-моему, ничего особенного. Все равно в метро лучше. Ты по новым линиям метро катаешься?

— Катаюсь...
— Нина вот тоже вчера в Москву поехала. В одном поезде с Изабеллой Юрьевой.
— А ты когда в Москву?

— Не знаю. Мне, видно, Леметева дожидаться, — улыбается Марус. — А в высотном доме, наверное, уже люди живут. Правда?

— Не знаю... Смотри-ка, и бычки уже готовы... И шандорные затворы ставят...
— Да чего ты развлеклась? Ведь ты целых два месяца здесь не была.

Наконец, они дошли до плотины и спустились в нишу, где находился пульт. Пульты были подсоединены провода динамометров. Марус открыла крышку аппарата, надела наушники и включила первый прибор. Шура приготовилась записывать. Для этой работы, кроме внимательности и технических знаний, лаборантам необходим хороший музыкальный слух. В унисон со звуком струны динамометра Марус должна настраивать струнку, находящуюся в прослушивающем аппарате. Тогда на шкале аппарата появлялся отчет, по которому легко определялось давление плотины на квадратный сантиметр основания.

— Следующий динамометр, — говорила Марус, — четырнадцать семьдесят шесть... Шура записывала.

— Следующий... Не работает... Шура прочеркивала.

— Следующий... Шестнадцать двадцать один.

Впрочем, не всегда работа шла гладко. Иногда вдруг динамометр показывал не привычную большую цифру. Девушки начинали волноваться, сменить друг друга у наушников, по несколько раз проверить правильность отсчетов. Убедившись, наконец, в том, что прибор сигнализирует резкое увеличение давления, они некоторое

время сидели друг против друга с вытянутыми из бесповоротными лицами, а затем бросаясь к ближайшему телефону.

Но их тревога оказывалась напрасной. Выбрав на настольном экране осторожно подавал на бычок одну за другой баллы с бетоном. Поэтому битые приборы и отмечали увеличение давления. Молча посмотрев друг на друга и двоясь находившихся, девушки отправлялись продолжать работу.

Снова в наушниках звучали струнки, снова аккуратно столбиком записывались отсчеты.

И, несмотря на всю простоту прослушивающего аппарата, было все-таки удивительно слышать, как откуда-то из глубин земли, из-под воды, подает Марус Кожной свой тонкий успокаивающий голос навеки замуравленная под многометровую толщу бетона струнка: «У меня все в порядке».

Вечером по данным приборов вычерчиваются кривые, графика давлений, а потом эти графики, представляющие интерес не только для Цимлянского гидроузла, но и для Сталинградской и Кубышевской ГЭС, внимательно изучаются инженерами.

И в то время, когда графики изучаются инженерами, семнадцатилетняя комсомолка Марус Кожина и Шура Короткова, которая старше своей подруги на два года, взявшись под руку, идут домой.

На темном небе загораются крупные звезды. Весна, наконец, пришла в эти места, и круглая, теплая луна встает над рабочим поселком. Эта же луна стоит сейчас над Москвой, над высотными зданиями, над мостами, над домом, где живет Шура. А девушки, взявшись под руку, идут мимо палаточного рабочего поселка, мечтая попутно о чем-то своем, большом и прекрасном, идут по огромному своему дому, имя которому — Родина, и на каждом шагу их встречает великое и прекрасное...

Роман о судьбах русского крестьянства

Гроза над Римом

Роман Николая Вирты «Вечерний звон» рассказывает о жизни и судьбах русского крестьянства.

Действие развертывается в конце XIX — начале XX столетия, в ту всемирно-историческую эпоху, когда в Россию переместился центр мирового революционного рабочего движения, когда Россия стала родиной ленинизма.

Поставив перед собой широкую эпическую задачу, обратившись к серьезной исторической теме, писатель проявил творческую смелость и создал большое подлинное.

Начало революционной деятельности Ленина и Сталина, идейный разгром народничества, борьба за соединение рабочего движения с марксизмом, деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», создание ленинской «Искры», борьба за партию нового типа — таковы величайшие события, с которыми оказывается последовательное и связное изображение жизни героев романа, крестьян-малышек, ничем не примечательной деревушки Дворики, заброшенной вдали от столичных дорог в тамбовской глуши.

Масштаб событий, их значительность и вызвали интерес читателей к роману.

1. Неотвратимое приближение первой русской революции определяет движение сюжета, рост и развитие образов в новом романе Н. Вирты. Зарницы и близкие уже раскаты революционной грозы создают эмоциональную окраску книги, определяют ее внутреннее звучание.

...Еще размеренно, спокойно раздается вечерний звон, пролетая над тихими полями, как извещенный призыв к упорствованию, к отречению от земной суеты, от всех мирских забот. Но уже совсем скоро короткая, равнодушно-печальная звучит вечернего благоговения сменяется взволнованными, резкими ударами тревожных ночных набатов девятых годов... «Жидание набата», т. е. революции, ее скрытое, но бурное назревание — вот что, очевидно, хотел выразить автор названием своего романа, так же как и всем его идейно-художественным содержанием.

Еще нет заметных перемен в российских Двориках. «Неизменными оставались внешний облик окрестных мест, уклад жизни, быт». Еще не выступили на первый план главные, подспудно созревшие конфликты жизни. А между тем процесс капиталистического развития уже размыл, расшатал, подточил старое, казавшееся нерушимыми устои патриархальной деревни.

Писатель верно понял сущность событий и перемен, которые происходили тогда в жизни русского крестьянства. В романе показано, как тяжела цепь пережитых крестьянства, фискальная община, острая земельная нужда связывают двориковских мужиков по рукам и ногам. Помещик Уаусов забавлял деревню, задушил ее долгами, штрафы, неустойками. Связанные круговой порукой, мужики захлебывались в омуте долгов, счетов, обязательств...

Жители Двориков воюют не только против помещика. В романе изображены два живущих рядом, но непримиримо враждующих между собой лагеря — «Дурный конец» бедняков и кулацкая «Халазовка».

Бедняк Андрей Андреевич и его жена Марфа — правдивые, художественно яркие образы романа. Пролетарий с налетом — вот что характеризует внутренний смысл образа Андрея Андреевича.

Еле-еле дотягивает семья бедняка до конца зимы, перебиваясь картошкой, лебедой, острым «бушим хлебом», из которого торчат тонкие мякинные иглы... Наконечник наступают долготрапезная весна! Крестьяне выезжают в поле; «повое сухарей», «собранных детьми («христово покаяние»), запрягал Андрей Андреевич тошную кобылку и плелся следом за всеми в поле, на свой загон. Но не успевал он выехать за село, как его переправлял батрак лавочника...» — надо было отработать долг батраку.

Двойной гнет несет на себе бедняцкая часть деревни. Едва расплет Андрей Андреевич кулацкую землю, как появляется грозный барский управляющий. Поднялся его приказания, едет измученный мужик на поля помещика Уаусова. «Проходили погонные дни, а своя полоска стоит не пахана, не сеяна»...

2. Те же неодолимые законы истории, которые породили распад Двориков на два противоположных лагеря, властно вторгаются и в патриархальную семью Сторожевых, обитающую где-то по середине между «Халазовкой» и бедняцким «Дурным концом».

На протяжении всего романа Сторожевы немаленко находятся в центре внимания автора. Их громадная (около сорока человек) семья, где «невокал закон — никого из дома на сторону не отпустить», — это община в миниатюре.

Глава семьи — Лука Лукуч Сторожев — огромный, краксивый, как дуб, старик с голым черепом да сельской бородавкой клинчиком, бойкой, в посконной рубашке до колен, — всему дому голова.

Славу же своего дома Лука Лукуч видит в том, что все здесь работает сообща, — «урожай кладется в один амбар, скот стоит в одном хлеву, топится одна печь, ши хлебуют из одного котла. Разделяется двор — вместо одного сильного будет пять малыхышек».

Однако устойчивости жизни Луки Лукуча, как и всех двориковских крестьян, имеет обманчивый характер. Распадается община в Двориках: рушится и патриархальная семья, державшаяся на тех же основах.

В полном соответствии с логикой жизни, с объективным ходом истории, семью Луки Лукуча Сторожевы разрушает, разваливает его внук Петр.

Добивающийся развала во что бы то ни стало, смолоду тяготеющей к хозяйственной «самостоятельности», молодой хищник — Петр Сторожев с женой наглядно воплощает черты распада крестьянской общины. Для него все средства хороши: ад — так ад, бунт — так бунт!... «внутри у него все клочкот... жлань, скванная властью дела, отворчела Петру. Ему нужен свой дом, своя воля, своя земля — больше, больше земли!»

Петр весь охвачен жаждой пашины. Все силы его направлены в цепкой хватке к стяжательству. Мы угадываем, что в адушной душе Петра нет и доли той привязанности к сельскому труду, которая так характерна для старого Луки Лукуча. Петр

тянется к земле, лишь как в надежному источнику обогащения. Чем больше земли, тем больше богатства! Все его схватки бы, жажд, забарабастал он своими жадными руками... Ради земли он готов на все.

Образ Петра очерчен писателем сильно, энергично. Сцены с «олдичем Петьюшкой» в романе «Вечерний звон», как и вся линия крушения патриархальной семьи, — бесспорная художественная удача.

Прочная, нерушимая семья — такой один из трех «китов», на которых держится все мироустройство Луки Лукуча, или, как говорит писатель, — «один из трех кирпичей» веры старого крестьянина.

Образ Луки Лукуча, его личная судьба признаны стать в романе Н. Вирты художественным воплощением сложного процесса крушения патриархальных иллюзий, пережитого русским крестьянством.

«...Веру в нерушимость моего семейства — мой же внук Петя выбил», — с горечью говорит Лука Лукуч.

Два других «киричка», на которых зиждется мироустройство старого Сторожева, — вера в царя и вера в бога.

К сожалению, ломка этих устоев показана в романе Н. Вирты значительно слабее. Если распал старожонской семье изображен автором, как сложный и мучительный процесс, т. е. показан так, как это и было в самой жизни русской деревни, то крушение царистских иллюзий крестьянства писатель часто рисует с меньшей убедительностью.

Старик Сторожев думает, что царь и его министры способны улучшить судьбу народа, что нужно только раскрыть перед ними тяготы мужицкой жизни, убедить их. Движимый этой целью, Лука Лукуч упорно добивается встречи с царем.

Николай и его сатрапы, желая укрепить шатавшийся трон, в действительности встречались лишь с представителями кулачества. Для того, чтобы изобразить встречу царя со «средним мужиком», Н. Вирта должен был прибегнуть к сюжетным натяжкам, а иной раз — даже к лживым измышлениям.

Далекой от жизни кажется сцена, в которой писатель передает беседу Николая Романова с Лукой Лукучем. Надувательная ситуация ведет к тому, что живая человеческая фигура старого Сторожева превращается в образ переряженного, условный. Немало способствует этому и самая словесная ткань — нарочито стилизованные обороты речи, которые употребляет крестьянин в разговоре с царем.

«Государь, ясный ты наш сокол, — говорит Лука Лукуч Николаю, — санок ты мой милый, возьми ты то в разум, жем мы от тебя милости насчет земли! Вели мне сказать тебе всю правду, вели, как я тебе скажу, все сделать — я ведь тебе и твоим рабам добра желаю!»

Наличием, притязая метафоричность речи Луки Лукуча, повторяясь и дальше, еще более подчеркивает нежизненность, абстрактность инскаказательность, которую приобретает в этой сцене образ Сторожева.

Образ последнего «русского самодержца» мало удался автору. Рисует личную бездарность царя, писатель не показывает главного: исторической обреченности царизма вообще. Вызывает возражение мысль о том, что плох был не столько сам царь, сколько его воспитатель — Поблоносцев. Неоправданной является некая «патриархальная» в изображении семейной жизни Николая Романова; фальшивы сцены истерических «покаяний» царя по поводу Ходянской катастрофы, его надрынных раздумий о «благах народа».

После разговора с Лукой Лукучем — когда «стойкий и независимый» Сторожев покинул дворец, — растерянный Николай будто бы приходит к убеждению, что «... совершил ошибку, что старик ушел, чуть ли не потеряв в него веру, пресирая его за глупость и неразумие. Он хотел крикнуть, остановить мужика. Но зачем? Что он ему скажет? Как исправит ошибку?»

Царь долго сидел в раздумьи на ступеньках террасы...

Одним лишь прямолинейным столкновением Луки Лукуча с царем Н. Вирта не смог убедительно раскрыть важных и очень сложных исторических процессов: потерю царизмом опоры в лице патриархального крестьянства, постепенного крушения моральных иллюзий самих крестьян.

Не меняет положения и сцена встречи Луки Лукуча с царским министром.

Надо сказать, что художественную неубедительность этих сцен еще более оттеняют те запоминающиеся страницы романа, где Н. Вирта ярко рисует борьбу двориковских крестьян, вставших против помещика Уаусова.

Попадание в деревне карательного отряда — самовольно захваченными помещицей крестьянами впервые порождает в сознании Луки Лукуча мысль о том, что царь — против народа.

Как бы известным итогом всех жизненных наблюдений старика Сторожева должны служить его слова: «Из-под меня, веру в царя-батюшку — сам государь вышиб». Но художественная убедительность этого вывода во многом ослаблена «двориковскими» сценами, уводящими писателя от реалистического изображения крестьянской борьбы.

3. «Похо мой последний кирпич остался: богом, правдой его зовут», — с душевным смятением признается в конце романа Лука Лукуч.

Но колеблется уже и третий, последний «киричка» в прежнем мироустройстве старика Сторожева. Писатель показывает это сложным путем, создавая образ двориковского священника — Викентия Габелона.

В тиши деревенских ночей Викентий Габелон много лет сочинял книгу, на страницах которой «сравнивал мысль о всеобщем очищении, о запрещении пролития крови, о разделе земли, об устроении счастья и довольства деревенского и прочего обездоленного люда путем мирного согласия меж сильными и слабыми, меж имущими и немущими».

Писатель прав, показывая, что непоколебимая роль Викентия Габелона, в конечном счете, неминуемо пришла к концу — как пришла бы и любого другого в подобной роли — в связи с охранкой. Подлинным вдохновителем реакционной линии Викентия о всеобщем примирении правомерно становится жандармский полковник Филиппен.

Однако занимающий в романе слишком

большое место образ Викентия оказался путанным и внутренне противоречивым.

Хочет или не хочет того, в своей деятельности двориковский поп якобы руководствовался любовью к народу, желанием помочь ему. Пытаясь исправить царскую несправедливость и своим примером увлечь других, поп даже раздал свою землю крестьянам. Он помогает бедным, заботится о них.

Личевная расположенность пона к людям, его постоянное добросердечие (чем будто бы и объясняется интерес Викентия к нелегальной литературе, к произведениям Льва Толстого) явно идут вразрез с общим замыслом писателя. Ни чем больше уясняет внимания Н. Вирта образу Викентия, стараясь устранить эти противоречия, тем больше она возрастает.

Густая тень поповского дома, выплывающего Н. Виртой в превратно крупном плане, делает фальшивым и образ революционерки Тани Габеловой — дочери Викентия. В облике девушки — поугри Флегонты Сторожева, младшего сына Луки Лукуча, — сильные черты деревенской слащавой, сентиментальной поповны.

4. Без понимания роли крестьянства, как ближайшего союзника пролетариата в надвигающейся революции 1905—1907 гг., нельзя было изобразить жизнь двориковских крестьян в качестве явления типического, характерного для всей России.

Образ Флегонты Сторожева призван художественно воплотить в романе важнейшую историческую закономерность в судьбах крестьянства.

Если развитие Луки Лукуча показывает, как рушились в те годы патриархальные устои русской деревни, то искания Флегонты, по замыслу автора, должны были стать олицетворением революционной пути, пройденного крестьянством под руководством пролетариата и его большевистской партии.

Но влияние запрещенных книг Флегонты задушевно задумавшая судьбу русского крестьянства. «Главная задача, — говорит он, — как собрать мужицкую силу, как ее повести и куда повести?»

Флегонт понимает, что эту сложную задачу посредством стихийного бунта не решить. Не верит он и в мужицкую легенду о «Книге Печатной», где будто бы говорится о некоей земле, о земле, Флегонт сираделово уверен, что не в древнем кургане у Двориков, а в широком мире царской жизни и борьбы должна найтись такая великая книга.

Проводец пона Викентия, его призывы к «согласию среди всех людей» Флегонт решительно отвергает. Он уходит из Двориков в горы и там становится рабочим, социал-демократом.

Таким образом, Флегонт задуман как некое «живое звено», соединяющее революционные устремления крестьянства с пролетарским движением. Однако этот очень важный в романе образ вызывает чувство неудовлетворенности. Вместо живого, развивающегося, многогранного образа революционера перед нами фигура надуманная, внутренне неподвижная.

Н. Вирта настойчиво наделяет Флегонта чертами исключительности, она скрывается во всем его поведении и даже во внешнем облике. Не только родному отцу, но и всем двориковским мужикам представляется, что Флегонт «приблудил в их кругу и сделан как бы из другого теста».

Да и в представлении самого писателя Флегонт — это не живой, реалистически изображаемый человек из народа, а некая «душа народа», выискующая о сираделово. Автор пишет о своем герое: «Частицей бессмертного духа народа с его вековыми стремлением к справедливости несся в себе, шагая вольно и весело под ясными небесами...» «Мятель духа безвестных искателей счастья подкреплялся в нем разумом, накопленным народом...»

Если черты абстракции, морализации иногда вытекают из живого содержания в образе Луки Лукуча, то в образе Флегонта они становятся ведущими, определяющими. Желание приподнять героя над жизнью, над народом привело к тому, что Флегонт оказался отгороженным от народа надуманными чертами какой-то духовной «забравности».

Среди всех Сторожевых Флегонт — просто отвлеченная схема «правдолюбца», «правдоискателя».

Флегонт покидает Дворики, тонимый из отцовского дома не зной нуждой, но горькой житейской необходимостью. Только по дороге в горы — и то случайно — узнает он о страшном голоде, пережитом народом...

Превращение младшего Сторожева в пролетария, его приход к рабочим-революционерам во многом остался таким же условным, немотивированным, как и уход из деревни.

За рамками книги почти полностью находится фабричная жизнь Флегонта, его тяжелый, полновольный труд в Тамбове, а затем и в Питере, где, поварившись в рабочем котле, он стал, по замыслу автора, убежденным социал-демократом. — словом, все то, что в развитии этого образа было значительно важнее абстрактной идеи «правдоискательства».

5. Создавая роман о судьбах крестьянства в пореформенный период, Н. Вирта, естественно, не мог обойтись без показа русского пролетариата и его вождя.

«...В 90-х годах, — писал В. И. Ленин, — встретились два глубокие общественных движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — явление общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии».

Борьба за соединение рабочего движения с марксизмом, превращение русского пролетариата в гегемона надвигающейся революции — важная тема романа Н. Вирты.

В книге читатель встречает образы старых рабочих — Спирочка в Тамбове и Апостола в Питере. Они-то и помогли Флегонту прикинуть к рабочему движению. Тем не менее, эти эпизодические образы не выражают того повода, что характеризовало русский пролетариат в 90-х годах прошлого века. Спирочка и Апостола — скорее люди 70-х—80-х годов, люди поколения Петра Алексеевича и Степана Какурнина.

Выделяя Спирочку и Апостола из окружающей среды, Н. Вирта пишет, что эта среда при первом знакомстве вы-

звала у Флегонта чувство разочарования. «...Большинство работающих было занято своими повседневными заботами». Крошечная группа заводских революционеров не выходила «за пределы того маленького круга, в котором замкнулись переделывающие рабочие».

Не изменяется впечатление героя о мастеровом, рабочем народе и в Питере, аз больному заводу за Псковой заставой, куда устроился Флегонт. Как тамбовские мастера, которые будто бы «почти ничем не отличались от старинных рабочих», так и питерские пролетарии поражают Флегонта своим равнодушием к политике, безразличным отношением к большим событиям, происходящим в стране.

Н. Вирта изображает Флегонта чуть ли не правой рукой Ленина. Но протекторское содержание образа Флегонта не раскрыто. Он так и остается представителем Двориков.

Нет в романе художественно убедительного показа того, что с поколением рабочих типа Бабушкина связано начало принципиально нового, пролетарского периода в русском освободительном движении, шедшем к революции под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Писатель воссоздает образ молодого Ленина, завершающего именно в те годы идейный разгром народничества, обосновавшего в гениальных трудах «Что такое «душа народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?» и других работах идею революционного союза рабочих и крестьян, как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии.

Описывая деятельность В. И. Ленина, Н. Вирта пользуется различными изобразительными средствами. Волнующе написана картина свидания Владимира Ильича с матерью в тюрьме, сцене жизни Ленина в Шувенском. К сожалению, таких сцен в романе мало. Чаще всего автор прибегает к изложению и даже к простому пересказу произведений классиков марксизма.

В силу этого образ Владимира Ильича не воспринимается как живой и развивающийся. Не видно, как растет в борьбе, в общении с массами молодой вождь революции.

Автор стремится сюжетно связать образ Ленина с жизнью двориковских крестьян, но делает это с ненужной примитивностью, допуская иногда грубые натяжки. Вызывает возражение, например, сцена, рассказывающая, как пастух Чоба находит ленинскую работу «Что делать?» в кургане у Двориков (где по преданию была зарыта «Книга Печатная»). Навязанная символика кажется здесь особенно искусственной и безвкусной.

Н. Вирта пишет о встречах В. И. Ленина с Пашаховым, о начавшихся между ними расхождениях. Но при этом писатель делает акцент на «психологической мотивировке» политической эволюции Пашахова — от марксистов к меньшевикам.

«В отдалении от много дела созрелая мыслитель с сердцем, раненным наветом», — пишет Н. Вирта о Пашахове. Думается, что «гордая, но очень большая душа» Пашахова неправомерно заслонила его политическую характеристику.

Н. Вирта хорошо знает крестьянскую жизнь и умеет правдиво и ярко рассказать о ней. Ему удалось создать выразительные, запоминающиеся образы людей русской пореформенной деревни. Но во многих случаях писатель придает Дворикам явно несоразмерное значение: символически-условное село часто олицетворяет собой чуть ли не всю Россию.

Большая картина жизни и судьбы русского крестьянства, задуманная Н. Виртой, пока еще только как бы вчерне наметена писателем. Не всегда верно расставлены на ней фигуры, положены краски, распределены свет и тени. Неясность, нечеткость в замысле произведения порождает длинноты, лишние, внутренне несогласованные между собой и даже противоречивые сцены делают рыцарь композицию произведения. Отсюда же идет и разносторонность повествования, ощущаемые местами нестрога и разноречивость авторской манеры письма.

Сухой пересказ исторических событий сменяется в романе лирическими отступлениями, в которых иной раз лежит налет манерной эзальтации и выспренности. Эта эзальтация свойственна не только лирическим отступлениям. Иной раз она совсем неожиданно вторгается в повествование. Вот, например, как рассказывает автор о том, что Лука Лукуч ждал Флегонта:

«И, подождав его, он долго слыл у сторожки, смотрит на мир глазами, у всей полноте урзешими настоящим и прозаическим будущем; он велик и многому, этот сын земли своих отцов, и он радуется всему, что доносит до него ветер с могильных холмов и с полей, раскинувшихся вокруг и до самого горизонта...»

Приведем еще один пример. Отец Викентий «объявляется» с Танией:

«—Вон! — Голос его заремел. — Чтобы ноги твои, ноги твои... — Он поднял обе руки. — Проклято, вон, вон...»

Таня подошла к двери, повернула к отцу поблещее лицо, что-то хотела сказать, но он, очнувшись, загородил дверь.

«— Прости, прости, ради бога... — И рухнул перед ней на колени. — Пожалей, забудь! — выкрикивал он, рыдал, хватал ее платье, искал ее руки...»

Таня облопозла простертого на полу отца, и дверь закрылась за ней с грохотом, потрясшим весь дом.

В духе мелодрамы написаны и многие другие сцены. Особенно неприятно, когда автор с излишним увлечением, с ненужными подробностями описывает «трагические» переживания царя, пона Викентия, помещика Уаусова.

Воссоздавая живую крестьянскую речь, автор порой сбивается на ее натуралистическое копирование. «Бывалыча», «отце-долова», «повычался», «зажлелся», «займается», «омамешь» — подобными словесками пытается Н. Вирта передать своеобразие деревенского языка...

Стиль «Вечернего звона» лишен того внутреннего единства, — отнюдь не исключая многообразия художественных средств, — которое характерно для Н. Вирты в романе «Одиночество».

Роман «Вечерний звон» задуман, как часть многоотной эпопеи. Но читатель не знает о романе, о его достоинствах и недостатках, не дожидаясь окончания работы над всем циклом.

Продолжая свою работу над задуманной эпопеей, Н. Вирта должен развить в ней то ценное, что уже найдено, и решительно освободиться от всего надуманного, нежизненного, ложного.

«Казалось, здесь никогда не было и не может быть бури. Вязляны — и увидели одно только царство добра и света: крыши под солнцем... горы под солнцем... зеленые под синим небом и море, синее море подобно второму небу!» — восклицает автор. Дм. Еремин искренно любит итальянскую природу, и читатель найдет в его романе «Гроза над Римом» немало ярко и точно выписанных пейзажей. Этим красочным зарисовкам суждено играть в книге особую роль — они призваны подчеркнуть контраст между «вечной красотой» солнечного полуострова и той безобразной, все уродующей пылью, которой обвела Италия хозяйничавшие янки и их христианско-демократические приспешники.

Книга вводит читателя в мир суровых и героических будней итальянского народа, который под руководством коммунистической партии ведет неустанную борьбу за счастье, за мир, за свободу и независимость своей родины. Маршаллизованной, преданной и пропальной своими правителями, но поперекую страстно любимой своими честными сыновьями, — такой предстает перед нами сегодняшняя Италия на страницах романа.

«Владелец завода Арrezzo под давлением американских монополистов принужден закрыть свое предприятие. Полугодные, одетые в рубище, выброшенные на улицу люди объявляют забастовку, но в это право отнято у них. Бастующих ждет сиренная полицейская расправа. Бровь рабочих обжарит землю. Смертельно раненный, падает закаленный рабочий вождь, старый слесарь Чекко Чикетти.

«...Ужасный Пьетро Маринуччи, не желая prostituir свой талант в угоду национальному предвзвешенному американским бизнесменам, пишет свои картины на панелях в гостинице. Он живет на скудное полевое прожиток. Но за проявленное художником сочувствие коммунистам даже с этого жалкого квадрата панеля прогонит его разъярившийся владелец отъезда.

Безысходно ищете, голод, лющуюся народную кровь — вот что видит земля «вечной красоты».

Обо всем этом извлекательно рассказывает не так лживо поблывавший в Италии писатель Дм. Еремин в своем романе «Гроза над Римом», удостоенном Сталинской премии.

Да, гроза народного гнева встает над Римом. Кровавый террор, полицейские расправы, полные покушения из-за угла на вождя народа — ничто не в силах предотвратить этой могучей очистительной грозы.

«К сожалению, еще надо заигрывать с толпами ненавидящих простых людей... бороться каждого слова Толкатию, — мрачно раздумывает в главе, характерное озаглавленной «Голетодуши» провокатор», лидер христианско-демократической партии, премьер-министр лс Гасперри. — Не проше ли взять и ударить танковым кулаком по Ленинину, словно по мраморному столу, и крикнуть: «Марш по своим местам!»

С каким наслаждением лс Гасперри крикнул бы свое заклинание «Марш по местам!», если бы только знал, что это возможно, но... «история с покушением на Толкатию достаточно ясно зала понять, какая сила скрыта в народе и как велико влияние коммунистов. Там, где народ защищает свои интересы, он очень упрям и стоек, там он без страха идет на все: на гололоду, под пули, на смерть».

И потому взоры продажных временщиков с таким упоением устремлены к американско-английским базам на Мальте и Мессине, в Бизерте и Триесте, где в момент вспыхнувшей в стране всеобщей забастовки сразу же запылились военные корабли.

В романе Дм. Еремина убедительно разоблачается предательская, антинародная политика римских приказчиков Уолл-стрит. Здесь и кровавый террор против всего прогрессивного в стране, в первую очередь против коммунистов, и почитание всей экономики страны интересам Америки, и рабление перед угрозой «культурной бизнесменов, и, наконец, готовность по требованию матерых поджигателей войны поуставить им пушечное мясо. Ведь по словам коммерческого атташе США мистера Колманса: «...во имя защиты цивилизации и прогресса... может понадобиться немало людей, умеющих стрелять. Корея... Китай...»

В этой беззастенчивой торговле жизнями миллионов людей своеобразная роль отведена панскому престолу с его армией черного воинства.

Интересно показывает автор «Грозы над Римом», как американизируются ватиканские служители заокеанских монополий.

«Дм. Еремин. Гроза над Римом. Роман. Журнал «Звезда», № 11, 12 за 1951 г. Главный редактор В. П. Дружинин.

Шествую «в ногу с современностью», они испробуют радио, газету, кино. Им выпущены специальные фильмы,

настойчиво проповедующие «классовую дружбу» и идею беззастенчивого послушания сильному миру сего. Правда, в Ватикане не гнушаются и старинными, традиционными средствами, объявляя, например, призывную крестьянку Фаринату «пророчицей, творящей чудеса». Но это уже кустарная работа; с каждым днем ее все больше вытесняет современная техника обмана и одурчавания — асс.

Главы романа, посвященные Ватикану, написаны с тонким сарказмом. В них много выразительных деталей. Вот одна из них: «Свят-иный папа в позорок от благодарных американских друзей получает автомашину «самой последней марки». Разумеется, бывшего покровителя Муссолини и сегодняшнего друга Трумэна связывает с заокеанскими вдохновителями иракобными и агрессивными только этот «скромный лар». По как много говорит читатель сцена из романа, в которой папа «пробует» подаренный ему лимузин!

И все же, если лс Гасперри сокрушенно размышляет о том, что растуша сознательность простых людей Италия «сильнее пуля», то святейший старец имеет все основания сетовать на то, что она сильнее и сладкоречивей лжи, фабрикуемой во ватиканских речетам в Ватикане.

В «Грозе над Римом» выведены десятки действующих лиц. Среди них — и это особенно радует — выделены выделенные с реалистической простотой и ясностью многие фигуры борцов революционного лагеря. Читатель запомнит благородный, светлый образ убитого американскими нагитамми депутата коммуниста Серафино Висконти и его юного, но отважного сына Луижи, запомнит и находчивого, остроумного, негибаемого в борьбе Маттео Чикетти...

И все же думается, что некоторые положительные герои романа Дм. Еремин дал слишком «декларативно», общими рассуждениями пытаясь подменить рисунок плавильного человеческого характера.

Прежде всего это относится к образу рабочего-революционера Джаккомо Ларесто. С понятием любовью описывая этого замученного палачами героя, автор порой все же сбивается на ненужную декламацию, идущую вразрез с простым и ясным стилем романа.

«...Мутная накипь страха, сомнений, злобы и утешных надежд без остатка выделась из его горячего сердца. Осталось только любовь к жизни, к обезоглаженным людям да великая цель, во имя которой он мог идти на расстрел и умереть. Не дрожа от страха...» Такие общие характеристики не раскрывают черт живого облика человека из народа — Джаккомо Ларесто.

Можно пожелать, чтобы среди портретов борцов против империалистических позластителей войны не нашлось места для образа героической итальянской женщины-труженицы.

В романе немало свежих сравнений и эпитетов, точных, зрительно оптимизм зарисовок. Мы видим и рассвет в горах, когда «горячая розоватая мечь лучей засветилась и поплзала по кручам», и пейзаж Венеции, города, который «лежал на воде и будто медленно плыл, забывая податься паруса на островерхние мачты бесчисленных колоколен».

По порою погоды за обязательными «обзором» приводит автора к обратным результатам. Вычурно звучит, например, такая фраза: «Весь полуостров вдруг запыла, как факел, в мутных сумерках безветрия, ненависти в горя». Или: «Еще не усп

Празднична и нарядна Прага в эти дни. Улицы украсились распустившимися каштанами, сиренью, развевающимися флагами и лозунгами.

Сколько радостных улыбок, сколько песен раздается по стране с того майского дня 1945 года, когда на броне советских танков, сделавших легендарно стремительный бросок от поверженного Берлина до Праги, явилась в Чехословакию долгожданная свобода! С тех пор 9 мая — день освобождения Праги советскими войсками — стал самым светлым национальным праздником чехословацкого народа.

И вот сегодня с горькой прощанья семи лет трудящиеся страны с гордостью обозревают пройденный путь. Бескорыстная братская помощь Советского Союза, огромная преобразующая деятельность освобожденного народа приносит свои замечательные плоды. В полтора раза мощнее довоенной стала промышленность Чехословакии. Густая сеть новостроек покрывает вся страна. Только в первом квартале 1952 года организация министерства строительства сдала в эксплуатацию 832 объекта и начала работы над возведением 620 новых. Вблизи городов Острава и Бомица растут корпуса мощных металлургических комбинатов, на многих реках поднимаются плотины электростанций. В деревне непрерывно увеличивается число машинно-тракторных станций, создаются производственные сельскохозяйственные кооперативы.

До неузнаваемости изменились судьбы людей. Ни в Чехословакии в почете люди труда, люди-созидатели. На днях президент Чехословакии Клемент Готвальд награждает орденами Республички и Труда большую группу работников промышленности, сельского хозяйства, деятелей культуры. Среди них шахтер из города Кладно Иозеф Котик и токарь Карел Кизлинек из Бланка, телатина из одного сельскохозяйственного кооператива в деревне Подкопаста Алоизия Гаражлова и машинист-платформы Ярослав Балам, тракторист Ян Сикора... Все они добились успехов, применяя опыт советских новаторов.

На подвиге культуры Чехословакии. Закончивший несколько дней назад смотр творческих достижений театров республики вылился в яркую демонстрацию расцвета чехословацкого искусства.

Де бы вы ни побывали — в крупном ли городе, или в небольшом местечке, в дальней горной деревушке, — всюду трудящиеся, рассказывая о своей жизни, говорят о советском человеке. Образ советского воина-освободителя неизменно встает в сознании этих людей, когда они повествуют о своем радостном настоящем и прекрасном будущем. Они глубоко чтут память советских воинов, павших в боях за освобождение Чехословакии.

Искренней любовью трудящихся Чехословакии окружена прибывшая в Прагу советская правительственная делегация, возглавляемая маршалом Советского Союза И. С. Коневым.

В эти дни во всех населенных пунктах страны можно увидеть фотографии, изображающие волнующую встречу частей Советской Армии с чехословацким населением в 1945 году. Города и села республики украсили портретами лучшего друга чехословацкого народа, знаменосца мира — Иосифа Виссарионовича Сталина. С огромным воодушевлением чехословацкий народ в день своего национального праздника демонстрирует чувства глубокой, нерушимой дружбы к Советской державе, беспредельную преданность великому Сталину.

Прага — в праздничном наряде. Ее улицы и площади — в шелке знамен, транспарантах и лозунгах. Особенно красочно убраны Вацлавская площадь, улицы Народни Тршда, На шприкопе. Многочисленные

мосты древней столицы украшены эмблемами национальных флагов Чехословакии, СССР, стран народной демократии. Вечером город сияет в огнях праздничной иллюминации.

С каждым днем расцветает и хорошеет Прага. Трудящиеся хотят видеть свою столицу, раскинувшуюся на живописных берегах Влтавы, достойной народно-демократического государства. И наглядное представление о ближайшем будущем города дает открывшаяся в здании Староместской ратуши выставка «Строительство социалистической Праги». Прекрасные перспективы улиц и площадей, воплощенные в чертежах и эскизах, ныне, волею коммунистической партии, народного правительства, всех трудящихся, становятся реальной действительностью.

Огромное Летненское поле еще недавно было пустырем. Сейчас это — одно из самых лучших и любимых мест отдыха трудящихся города. Здесь сооружается монументальная скульптура Носифа Виссарионовича Сталина. Сегодня на Летненском поле в присутствии многих тысяч трудящихся состоялся военный парад. Площадь украсили чехословацкими флагами и флагами Советского Союза. Напротив трибуны, на огромных пилонах — портреты Носифа Виссарионовича Сталина и Клемента Готвальда, лозунги, зовущие к новым победам в борьбе за мир, за родину, за социализм.

10 часов утра. На трибунах — президент Чехословацкой Республики Клемент Готвальд, члены правительства, советская правительственная делегация и делегации различных стран, прибывшие на празднование.

Министр национальной обороны генерал армии А. Чепичка объезжает поле, приветствует выстроившиеся войска, и поздравляет их с праздником седьмой годовщины освобождения Чехословакии Советской Армией. Гремит мощное «ура». Поднявшись на трибуну, министр национальной обороны зачитывает приказ главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами президента республики Клемента Готвальда по случаю праздника. Величаво звучат чехословацкий Государственный Гимн и Гимн Советского Союза. Гремят залпы артиллерийских салютов.

Войска приготовились к началу парада. В этот момент над площадью пролетают два самолета. На одном из них развевается флаг Чехословацкой Республики, на втором — флаг Союза ССР. Вслед за ними появляются еще три самолета, несущие огромные красные полотнища с портретами Ленина, Сталина и Готвальда.

Начинается парад. Идут слушатели военной академии и училищ — будущие офицеры. За ними — стройными рядами проходят лехотники. На площадь вступают танки и артиллерия.

В 9 часов вечера над Прагой прозвучал первый залп праздничного салюта. В небо взлетели ракеты, озарившие разноцветным сиянием улицы и площади, заполненные толпами ликующих людей. Еще долго над городом полыхали огни фейерверка. До поздней ночи продолжались народные гуляния.

Радостно отмечает чехословацкий народ свой национальный праздник — седьмую годовщину освобождения страны Советской Армией от гитлеровских оккупантов. Громко звучат в городах и селах песни в честь освобождения — Советского Союза, в честь великого друга Чехословакии товарища Сталина.

Н. МАХАРИНЕЦ

ПРАГА, 9 мая. (По телефону)

Во второй половине дня 26 февраля 1952 года площадь Старый Ватерлопайн в Амстердаме захлестнул бесконечный людской поток. В течение двух с половиной часов, до самого вечера, тысячи, десятки тысяч людей медленно шли через площадь. Этим шествием они отметили очередную годовщину славных февральских дней 1941 года, когда трудовое население Амстердама, начав мощную забастовку, поднялось против гитлеровских оккупантов. Здесь, на Старом Ватерлопайне, где некогда Рембрант находил образы для своих полотен и где жил великий мыслитель Спиноза, они чествовали память павших в борьбе против фашистского засилья.

Ленты на венках и цветах, которые несли манифестанты, говорили о воле десятков тысяч людей. На лентах можно было прочесть: «Никогда больше не должно быть вермахта!», «Никакого оружия для ваших убийц!», «Против возрождающегося фашизма!», «Мы продолжаем вашу борьбу!».

Таким образом, чествование памяти погибших в борьбе против нацизма вылилось во внушительную демонстрацию протеста против ремиляризации Западной Германии, против политики проработничества Голландии, поддерживающих перевооружение боннской «республики».

Наблюдающийся сейчас в Голландии массовый интерес к тому, что происходит в Германии, не случаен. Германия — самое крупное государство, соседствующее с Голландией. То, что делается там, очень важно и для будущего нашей страны.

Немецкие правители и генералы издавна стремились использовать Голландию в своих планах установления германского господства над Европой и всем миром. Начальник кайзеровского генерального штаба фон Шлиффен разработал план, который предусматривал в войне, развязываемой Германией, переход голландской границы немецкими войсками и их быстрое продвижение через Бельгию во Францию. Характерно, что этот проект родился в годы, когда в Голландии находилось во власти прогрессивное правительство Койпера, а именно в 1901—1905 годы. Немецкий империализм показывал, что он предпринимает, когда ему протягивают хотя бы палец...

И позже голландские реакционеры часто действовали так, что лишь подтверждали высказывание Бисмарка о том, что якобы «Голландия аннексирует сама себя». Предательской деятельностью подобных людей, открывавших голландские границы немецким захватчикам, надо приписать и то, что во время второй мировой войны Голландия за несколько дней была захвачена шестой немецкой армией, впоследствии разбитой под Сталинградом.

Ужасные бедствия, которые принесли Голландии фашистские полчища, 210.000 голландцев, погибших в результате войны, — все это заставило наш народ осознать лучше, чем когда-либо раньше, опасность германского империализма. Поэтому Потсдамское соглашение между победившими великими державами было встречено с радостью.

Потсдам заложил «основы построения мира, который может быть сохранен лишь в том случае, если в Германии будет отнята всякая возможность вновь объявить меч». Не из коммунистической ли прессы эта цитата? Ничуть не бывало! Так вынуждена была писать реакционная газета «Фолькскрант» в августе 1945 года.

Американцы, решившие использовать Западную Германию в своих целях, уже давно начали яростный поход против Потсдамского соглашения. Шаг за шагом нарушались потсдамские решения. Эти нарушения достигли апогея сейчас, когда аме-

риканцы открыто приступили к возрождению гитлеровского вермахта.

Стремление перевооружить Западную Германию встретило поддержку в определенных голландских кругах. «Убедительными» доводами для них были сотни миллионов довоенных имперских марок, которые голландские капиталисты вложили, по примерноному подсчету, произведенному в 1949 году, в западногерманскую промышленность, в частности в урсекую, и мысль о новых больших барышах, которые сулит подготовка новой войны.

Покорное приказам из Вашингтона, голландское правительство поддерживало рас-

Боннская пашка. Рисунок из немецкого журнала «Зонитатг»

кол Германии, «план Шумана» и возрождение агрессивного вермахта. При этом право-социалистическим лидерам было поручено с помощью всеческих измышлений представить ремиляризацию Западной Германии как дело «нужное и неизбежное».

Но голландский народ решительно осудил эти преступные планы. Возникли группы действия под названием «Никогда больше!». Они призывали к бдительности и указывали, что для сохранения мира и безопасности нашей страны необходимо воспрепятствовать ремиляризации Западной Германии. Среди рабочего класса, вынесшего на своих плечах главные тяготы и бедствия оккупации и итравшего главную роль в движении сопротивления, негодование по поводу поддерж-

«Можно работать на пользу мира, даже не шевеля при этом руками», — гласит надпись на этом плакате, изображающем западногерманских землекопов, отсылавшихся разгрузить пароходы с американскими военными материалами. Такие плакаты часто можно видеть в портовых городах Западной Германии. Снимок из газеты «Тэгелихе рундschau»

ки ремиляризации было особенно сильным. Потоком шли резолюции и телеграммы с протестами в правительственные учреждения Гааги. На многочисленных собраниях и совещаниях слышалось: «Мы не хотим никакого вермахта!».

Даже из кругов сторонников воссоздания гитлеровских вооруженных сил посылались вынужденные признания об угрозе, какую они представляют для Голландии. Так, реакционная газета «Де маасбоде» писала по поводу разглагольствований боннского «канцлера» Аденауэра о пересмотре восточных границ Германии: «В настоящий момент разговор ведется пока лишь о восточной границе. Несколько погодя, очередь дойдет и до южной и западной границы».

«Правительство» Аденауэра, поддерживаемое американцами, потребовало, чтобы голландское правительство «обуздало» движение, направленное против ремиляризации. Боннский посланник в Гааге стал настаивать на запрещении немецкого демократического фильма «Совет богов», так как в нем ярко показано участие крупных немецких монополий в подготовке войны. Затем боннская клика предъявила новые претензии: отменить ежегодное чествование памяти героини движения сопротивления Ханни Шафт и проведение годовщины февральской забастовки. В обоих случаях правительство Дрейса покорово выполнило эти требования. Но, несмотря на запрет, обе эти даты были отмечены и вылились в демонстрации против перевооружения Западной Германии.

В последние месяцы пассажирское движение между Бонном и Гаагой стало весьма оживленным. Неоднократно приезжали и уезжали бонские министры. Видны сопровождаются все дальше идущими требованиями. Надо освободить военных преступников, настаивает Бонн, и голландское правительство выпускает из тюрьмы палача Голландии — генерала Христиансена. Приговоренный к смерти военный преступник Готелла, расправлявшийся в концентрационном лагере в голландском городе Амерфорте, где был убит и многие пленные советские солдаты, амнистирован.

Бонн ответил на эти любезности по-своему. Именем генерала Христиансена (на правом счету которого только в одном местечке Пуутен 522 жертвы) названа улица в городе, где он родился. Генералу Штуенту — тому самому, который руководил бомбардировкой Роттердама, поручено создание нового «люфтваффе» — германского военно-воздушного флота.

Однако такой ход событий лишь усиливает отвращение к ремиляризации Западной Германии. Даже буржуазная газета «Де ниве роттердамше курант» писала: «Слова, достояние из-за наших восточных границ, снова являются словами тех немцев, которые полагают, что в Европе распорядится они».

Движение протеста против ремиляризации сопровождается растущим сочувствием голландцев борьбе немецкого народа за мир и единство Германии.

Образование единой, демократической, независимой и миролюбивой Германии, как это предложено Советским правительством 10 марта 1952 года в проекте мирного договора, означает для Голландии, что будет устранена опасность возникновения очага новой войны. Ибо, как сказал И. В. Сталин: «Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами».

ГААГА, май

Золото до того как янки-агрессоры применили в Корее бактериологическое оружие, еще 4 июля прошлого года, по французской реакционной газете «Франс суар» появилась статья двух американских авторов — Х. Когана и А. Харта. В ней говорилось о мероприятиях, проводимых Соединенными Штатами в связи с подготовкой войны и содержалось, в частности, следующее признание:

«В то время как специалисты по атомной и водородной бомбе лхорядочно занимают своими исследованиями, в то время как сухопутные, морские и воздушные армии испытывают — каждая в своих лабораториях и на своих опытных полях — новые ракетные снаряды, новые торпеды, новые артиллерийские снаряды, люди в белом одежде, изолированные на огромной оговоренной территории Кэмп Детрик (штат Мэриленд), в условиях строжайшей тайны, полевой солдат морской пехоты продолжает тамнейшие работы по приказу правительства. Это люди, работающие в области «В. В.» («Biological Warfare»); основная их задача состоит в том, чтобы успешно завершить бактериологические исследования и преродусмотреть все формы, как и сможет принять в ближайшем будущем бактериологическая война».

Последнюю фразу выделили разрядкой мы.

«Biological Warfare» (англ.) — биологическая война.

Сразу же после очередного повышения цен в Швеции стоковская вечерняя газета «Афтонбладет» опубликовала (в номере от 17 марта 1952 года) заметку такого содержания:

«Мрачными были лица сегодня утром по ту и другую сторону прилавков в продовольственных магазинах — сильное повышение цен не радует ни покупателя, ни продавца. — Просто стоило получить деньги», — сказала человек, стоявший за прилавком в Эстермальмхаллен, готовясь выслушать справедливые жалобы покупателей».

На следующий день, 18 марта, газета, быть может, рассчитывая «утешить» читателей, сообщила, что это повышение цен — всего лишь «легкое хуновение западного ветра в сравнении с тем, что можно ожидать осенью».

Комментарии излишни!

А. ТАМАРИН

Изуверские бредни современных мальтузианцев

«После атомной бомбы самая угрожающая сила в мире сейчас — это безудержная рождаемость», — утверждает американский мальтузианец Роберт Кук. Ему вторят голоса других американских и английских мальтузианцев. Летом 1951 года епископ Бирмингемский специально выступил с призывом к верующим: любыми способами, начиная от стерилизации и вплоть до войны, сокращать население земли. «Рост населения земного шара, достигшего цифры в 2.200 миллионов человек, — заявил он, — уже вызывает продовольственный и жилищный кризис... Сохранение непополненных пород ложится на любую страну все возрастающим социальным бременем и, вероятно, покончит общий физический и умственный уровень ее населения... Неужели население крупнейших стран мира должно достигнуть таких размеров, что это делается оправданием войны?» — лихорадит вопрошает этот дурачок в пасторском облачении.

Реакционное учение, пущенное в оборот английским попом-мракобесом Мальтусом на рубеже XVIII и XIX столетий, вновь извещено из мусорной свалки истории и в слегда подчинением идее всецелки рекламируется американско-английскими империалистами.

Своей «теорией» Мальтус пытался доказать, что не капитализм виноват в растущей нищете народных масс, а виновата сама трудящаяся численность которых растет слишком быстро. Он утверждал, что как в природе, так и в обществе всегда действует закон «самоуничтожения населения». Классики марксизма-ленинизма раскрыли всю лживость и реакционность мальтузианской «теории». Ленин указывал, что с развитием капитализма «увеличилась не трудность производства пищи, а трудность получения пищи для рабочего... Объяснить эту растущую трудность существования рабочих тем, что природа сокращает свои дары, — значит становиться буржуазным апологетом».

Ныне мальтузианство вновь стало модным идеологическим товаром в арсенале

поджигателей новой мировой войны. Что бы обосновать агрессивную внешнюю политику США, американские профессора Нотштейн, Престон Джеймс, Ванс и другие пропагандируют на потребу своих империалистических хозяев бредовую теорию о «стрех ступенях демографического цикла», т. е. цикла развития населения, согласно которой народы, находящиеся на второй и третьей ступенях, имеют избыточное население, являющееся источником «демографического давления». Это и толкает якобы государства на агрессивные войны для приобретения жизненного пространства. К числу стран, нуждающихся в жизненном пространстве, эти лжеученые в первую очередь относят США, Англию, Францию и другие страны Западной Европы.

Известно, что в СССР благодаря непрерывному росту производительных сил и повышению жизненного уровня трудящихся происходит неуклонный рост народонаселения. Ученые лакеи империализма, вроде Фогта, Ванса и других, пытаются запугать простых людей живыми измышлениями о том, что-де вскоре СССР «почувствует давление избыточного населения» и потребует для себя жизненного пространства в Западной Европе. С помощью этих провокационных выдумок они стремятся внушить народам мысль о необходимости превентивной войны против Советского Союза. Вильям Фогт, например, открыто требует сократить население СССР до 150 и даже до 100 миллионов человек. Если СССР не согласится сократить свое население, тогда этот каннибал грозит Советскому Союзу атомной и бактериологической войной.

Мракобес Мальтус говорил в свое время о благодетельности чумы и холеры. В январе этого года директор отдела исследований и усовершенствований химического корпуса армии США бригадный генерал Кризи заявил в Вашингтоне на Женской патриотической

конференции, что химический корпус «готовит биологическую и химическую войну». Захлебываясь от восторга, этот человеконенавистник расписывал, как над городами противника будут распыляться так называемые аэрозольные облака из смертоносных бактерий. Так людоедские бредни мальтузианцев об истреблении «лишних» людей служат оправданием преступной деятельности американской военной и деловой «Уола-стрига» ныне осужденных в Корею и Китае свои бесчеловечные планы.

В последнее время вновь возрождаются и получают широкое распространение теории так называемой желтой опасности; речь идет об «угрозе» Западной Европе и США со стороны все увеличивающегося населения азиатских стран, в первую очередь Китая и Индии. Некий Бекер, например, пишет в одном из американских географических журналов, что через 100 лет население СССР возрастет до 400—450 миллионов человек, Китай — до 800 миллионов, Индия — до 800 миллионов, а в США население уменьшится до 100 миллионов человек. «Могут ли 100 миллионов человек, живущих в относительно роскоши с ненормально высоким процентом лиц пожилого возраста, удержать со стороны Тихого океана 1—2 миллиарда человек «костяного мира», которые будут тянуть к богатствам США?» — задает Бекер провокационный вопрос и тут же призывает, «пока еще не поздно», начать превентивную войну против «восточного мира» — против народов СССР, Китая и других демократических стран.

Английский фашиствующий филолог лорд Бертран Рассел также заявляет, что цивилизованный мир можно спасти путем массового сокращения «избыточного населения за пределами западных стран».

О том, почему вселяет тревогу «избыточное население» колониальных и полуколониальных стран, проговорился не так давно Альберт Майзель в журнале «Дук». Он сообщает, что сэр Глазгуин Джейб в частности свою председателем Совета Безопасности ООН указал альтернативы, стоящие перед ним: — Если проблемы на-

селения всталых стран не будут разрешены, произойдет одно из двух — либо вспышка анархии, либо какая-то попытка разрешить свои проблемы на коммунистических основах... «Китай избрал вторую из указанных Джейбом альтернатив, — с грустью констатирует Майзель и продолжает: — Если мы не хотим, чтобы Индия, Египет, Филиппины и другие перенаселенные страны пошли по тому же пути, наука должна предоставить им средства ограничения рождаемости, которые смогут уравновесить великие, но бесконечно опасные достижения в борьбе со смертью и болезнями».

Под руководством своей славной коммунистической партии великий китайский народ сбросил иго иностранных империалистов и ныне успешно строит новое общество. Свыше полутора лет героически борется против американских захватчиков народ Кореи, большие успехи в борьбе одерживают народы Вьетнама, Малайи, Филиппин, Бирмы, Японии, Филиппин, Египта, Марокко, Туниса и других стран, где американские империалисты и их английские и французские партнеры прибегают к террору и истребляют множество ни в чем не повинных людей. По народы угнетенных стран с оружием в руках отстаивают расчеты мальтузианцев на беззастенчивое сокращение населения этих стран.

Под руководством своей славной коммунистической партии великий китайский народ сбросил иго иностранных империалистов и ныне успешно строит новое общество. Свыше полутора лет героически борется против американских захватчиков народ Кореи, большие успехи в борьбе одерживают народы Вьетнама, Малайи, Филиппин, Бирмы, Японии, Филиппин, Египта, Марокко, Туниса и других стран, где американские империалисты и их английские и французские партнеры прибегают к террору и истребляют множество ни в чем не повинных людей. По народы угнетенных стран с оружием в руках отстаивают расчеты мальтузианцев на беззастенчивое сокращение населения этих стран.

Современные мальтузианские теории используются американско-английскими империалистами для того, чтобы «научно обосновать» необходимость капиталистического строя, обосновать ухудшение положения трудящихся, рост нищеты, голода и безработицы. Американский мальтузианец Вильям Фогт в своей книге «Путь к спасению» пишет: «Положение, в которое попал сейчас людской род, подобно положению человека, вынужденного поспеть ботинки на два номера меньше полагающихся. Мы должны понять это и перестать бранить нашу экономическую систему».

Так Фогт выбалтывает элассовый смысл мальтузианского вранья.

Мальтузианство ныне также широко используется для того, чтобы «научно обосновать» наступление на демократические права трудящихся, обосновать фашизм капиталистических стран. Американско-фашистские идеологи вслед за гитлеровцами широко проповедают такие идеи насильственной стерилизации. Вслед за Фогтом этим занимаются Фримэн, Роберт Кук и другие.

Специалист по вопросам стерилизации Абрахам Стоун развешивает по странам Юго-Восточной Азии, разрабатывая планы сокращения населения этих стран «научными методами». В частности, американцы навязали услуги Стоуна разоблающему через Уол-стрит правительству Цейлона.

Насильственная стерилизация трудящихся под видом так называемой блокировки пропагандирует из номера в номер лажунальный американский журнал «Джорнал оф христинити». С его страниц раздаются призывы принять закон, дающий правительству право объявлять любого человека, жизненный уровень которого низок, т. е. любого американского рабочего или мелкого фермера, яном, «находящимся под опекой», и учинять всякие действия, препятствующие продолжению его рода. А если эти лица будут противиться, им грозит специальные трудовые концентрационные лагеря, где мужчины и женщины длительное время должны быть изолированы друг от друга. Совсем недавно в США вышла книжка некоей Мойи Вудсейд «Стерилизация в Северной Каролине». По словам автора, в Северной Каролине, как и во всей Америке, «евгеника и социальные идеалы объединились и могут осуществляться в такой политике, которая стремится поощрять рождаемость среди наиболее обеспеченных слоев». Вудсейд особенно рекомендует стерилизовать негров и при этом старается уверить читателей, что его руководит не расистские соображения, а забота о благополучии самих негров, которые-де живут в очень большой бедности и не имеют возможности содержать своих

детей. Некий Аллан Дэй, сторонник так называемой «биологической социологии», пишет еще более прямо: «Идеальным было бы не переселение бедности, а если бы больше семьи рождались у родителей из высших классов, а меньше — у родителей из низших классов». Более открыто-полюбно капитализма, более наглую пропаганду американского фашизма трудно приумать!

Хотя американско-английские империалисты и пытаются подвести теоретическую базу под преступную деятельность поджигателей войны, однако факты красноречиво подтверждают, что истинная причина роста нищеты трудящихся масс в странах империализма не перенаселение, а современный капитализм с его неотвратимо нарастающим экономическим кризисом и гонкой вооружений.

В Соединенных Штатах Америки, в Англии и других капиталистических странах пропаганда мальтузианских бредней встречает все более решительный отпор со стороны прогрессивно настроенных людей. Недавно с большой статьей, критикующей живые теории современных мальтузианцев, выступил на страницах журнала «Мансли ревью» известный прогрессивный американский ученый Гарри Грандфест, который пишет, что если общественное мнение станет отожествлять науку со стерилизацией людей, так же как с производством водородных бомб, бактериологических и химических средств войны, управленческих снарядов, то это будет означать гибель американского народа, американской науки и культуры.

Возрождение идеологии англо-американского империализма разбитых и опрокинутых жизнью мальтузианских теорий свидетельствует об их желании оправдать агрессию и обмануть трудящиеся массы. Оно свидетельствует о безнадежном тупике, в который зашла современная буржуазная наука, о глубоком страхе империалистов и их приказчиков перед могучим ростом сил лагеря мира, демократии и социализма.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОСТЕВ, В. КОСАЛОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).